

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ**

Научный журнал

2013 / 13

Политические изменения в Латинской Америке
Научный журнал

№ 13, 2013
Основан в 2006 году

Учредители:

Факультет международных отношений Воронежского Государственного Университета;
Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран;
Кафедра международных отношений и мировой политики;
Воронежское отделение Российской Ассоциации исследователей
Иберо-Американского мира

Редакционная коллегия

Д-р экономической истории **Мириам Дольникофф** (Университет Сан-Паулу, Бразилия)
Д-р политологии **Георги Иванов Коларов** (Болгария)
к.э.н. **И.В. Комов** (ВГУ)
доц. **М. В. Курчанов** (отв. ред., ВГУ)
к.и.н. **А. В. Погорельский** (ВГАСУ)
проф., д.и.н. **А. И. Сизоненко** (ИЛА РАН)
проф., д.полит.н. **А. А. Слинько** (главный редактор, ВГУ)
к.и.н. **И. В. Форот** (ВГУ)

Editorial Board

Doutorado em História Econômica **Miriam Dolnikoff** (Universidade de São Paulo, Brasil)
Ass.Pr., Dr. **Georgi Ivanov Kolarov** (Bulgaria)
Dr. **Igor V. Komov** (Voronezh State University)
Ass.Prof. **Maksym W. Kyrchanoff** (editor)
Dr. **Irina V. Phoret** (Voronezh State University)
Dr. **Alexander V. Pogorelsky** (Voronezh State Academy for Architecture and Building)
Prof., Dr.Sc. in History **Alexander I. Sizonenko** (Institute for Latin American Studies)
Prof., Dr.Sc. in Politics **Alexander A. Slinko** (editor-in-chief)

Адрес редакции

394000, Россия, Воронеж
Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет
корпус № 8, к. 105, 107

Все оригинальные статьи, написанные на русском языке, поступающие в Редакцию,
проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия

http://www.ir.vsu.ru/resources/library/latin_politics.html

ISSN 2219-1976

Содержание

Статьи

<i>А.А. Слинко</i> , Латинская Америка: угрозы политической дестабилизации	4
<i>Natalia Korotkikh</i> , El derecho internacional en el pensamiento español	7
<i>О. Андрианова</i> , Мирный процесс в Гватемале и его результаты	15

Венесуэла: post-Chavez

<i>Ю. Райхель</i> , Левый радикализм в Латинской Америке теряет популярность	20
<i>А.В. Погорельский</i> , Роль и место Уго Чавеса в новейшей истории стран Латинской Америки	24
<i>С. Степняк</i> , СМИ Франции о смерти Уго Чавеса	28

Культурно-географический поворот

и современные западные латиноамериканские исследования

<i>М. Кирчанов</i> , Культурно-географический поворот в современном гуманитарном знании	31
Культурная география как перспективное направление в развитии современных бразильских исследований	41

Переводы

<i>Энрике Дуссель Петерс</i> , Падение макроэкономической диктатуры в Латинской Америке	45
---	----

Трибуна молодого латиноамериканиста

<i>Алсубех Мухаммед Тахер Лафта</i> , Политика США в Латинской Америке	48
<i>А. Геворгян</i> , Южный Кавказ и Латинская Америка: сотрудничество в контексте укрепления международной безопасности в современной мировой политике	51
<i>И. Щерба</i> , Наркобизнес как форма «теневой экономики» в Колумбии: история и современность	55

Проблемы советского бразиловедения

<i>М.В. Кирчанов</i> , Советское бразиловедение в 1980-е годы: запоздалый расцвет бразильских исследований в СССР	60
---	----

Европейско-латиноамериканские параллели

<i>М. Вишневски</i> , Валенса и Лула: конец сравнений	79
---	----

Новые книги

<i>М. Кирчанов</i> , Актуальные проблемы бразильской экономики в современной марксистской экономической теории	82
--	----

СТАТЬИ

Александр СЛИНЬКО

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: УГРОЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

Автор анализирует проблемы политической дестабилизации в Латинской Америке. Важным политическим фактором является мировой экономический кризис. Левые режимы встречаются с различными политическими и экономическими угрозами. Перспективы развития региона являются нестабильными.

Ключевые слова: Латинская Америка, кризис, политические процессы

The author analyses problems of political destabilization in Latin America. The world economic crisis is an important political factor. The left regimes meet with different political and economic threats. The prospects of development of Latin American region are unstable.

Keywords: Latin America, crisis, political processes

Всемирный кризис постепенно стал влиять на ситуацию в Латинской Америке. Как отметила российская исследовательница М.Л. Чумакова, перед странами континента возникла угроза общественной безопасности¹. Так, в Мексике криминальная война привела практически к катастрофе район знаменитого курорта Акапулько – благодатный регион превратился в призрачную зону криминальной войны, а туристический бизнес, по словам испанской АВС «представляет собой труп»². Приход к власти представителя традиционной элиты президента Э.Пенья Нето, то есть возвращение Институционно-революционной партии к власти означало для многих надежду с помощью сильной власти снизить градус давления криминала на страну. Однако перемены к лучшему не произошло. Некоторое улучшение положения на севере компенсировалось ростом напряженности в Герреро и других штатах. К сожалению, надежды на мир не оправдались и в Колумбии. Повстанцы объявили о прекращении перемирия. Начались первые теракты – похищения людей и взрывы начиненных взрывчаткой автомобилей³. Военные все чаще прибегают к бомбардировкам. В результате одной из них погиб командующий Пятым фронтом ФАРК Я. Аранго⁴.

Угроза демократическим режимам левого поворота проявилась давно. Достаточно вспомнить о мятеже полиции 30 сентября 2010 года, который президент Р.Корреа справедливо охарактеризовал «как попытку переворота»⁵. В этом же ряду находится неудавшаяся попытка ультраправых и расистских группировок уничтожить президента Боливии Э.Моралеса в 2009 году⁶. С другой стороны, все больше бо-

ливийцев говорят об «исторической бифуркации 2006 года», когда Э.Моралес повел страну в сторону от быстрой модернизации, остановив поток инвестиций чрезмерной национализацией⁷.

Во весь рост встает проблема вывода политики континента из средневековой архаики и криминальной субкультуры эпохи первоначального накопления капитала. В этом смысле в один ряд логично становятся и криминальная война в Мексике, и проблема бесконечных боливийских национализаций, и длительная герилья в Колумбии. Ряд наблюдателей отмечают, что Колумбия, в частности, созрела для преодоления архаики. Так, логика борьбы, возможно, превратила ФАРК в крупнейший наркокартель не только в Колумбии, но и в Латинской Америке⁸, но партизаны обладают достаточной политической волей, чтобы внести необходимые коррективы в тактику борьбы. Стратегия переговоров – достаточно яркое тому доказательство.

Что касается особенностей судьбы У.Чавеса и его политики, то необходимо подчеркнуть общелатиноамериканский контекст этого левопопулистского движения. Левые Латинской Америки сделали глубокие выводы из провала реформ С. Альенде и военного переворота А.Пиночета. У. Чавес и его режим – это институциональный продуманный ответ Соединенным Штатам на новом этапе глобализации. В 1970-е годы США и их неолиберальная модель лидировали в мире как «продвинутый» экономико-политический проект. На новом этапе глобализации передовой является государственно-частная модель госкапитализма в Китае, которая позиционирует левосоциалистический проект с акцентом на смешанную экономику.

В этой связи своеобразный культ У. Чавеса в Венесуэле отражает промежуточный триумф прокитайской глобальной платформы. Как справедливо отмечается в латиноамериканской прессе, Чавес, подобно испанскому эпическому герою Сиду может одерживать победы и после возможной смерти⁹. При этом критика политики К. Киршнер, от которой отвернулись США и Европейский Союз из-за сотрудничества с Венесуэлой и Ираном выглядит очень поверхностно и несерьезно. Аргентине ставят в вину самостоятельную политику на волне нового глобального кризиса, однако правильность этой политики подчеркивает решение бессильного и потерявшего авторитет Международного валютного фонда объявить стране порицание за недостаточный прогресс в улучшении статистики по инфляции и ВВП. Еще большим свидетельством стратегической неадекватности МВФ является предложение Аргентине «исправиться» к сентябрю 2013 года¹⁰.

Таким образом, оказавшись на перекрестке геополитического противостояния США и Китая, Латинская Америка может выйти на

новый виток развития в условиях угрожающей дестабилизации, тем более, что никакая политическая модель пока не остановила процесс социального упадка, за исключением небольших анклавов роста типа Чили или Коста-Рики. Тем не менее, резкое ухудшение политического положения маловероятно, поскольку в условиях многополярности в мире возникло состояние равновесия, нарушить которое пока не может ни один из основных политических игроков.

¹ См.: Чумакова М.Л. Кризис общественной безопасности. – Латинская Америка, 2013, №1.

² ABC. Madrid, 6.02.2013.

³ El Pais. Madrid, 8.02.2013.

⁴ Ibidem.

⁵ Hoy. Quito, 15.01.2013.

⁶ El tiempo. Cuenca, 12.02.2012.

⁷ Zabaleta J. La biburcacion de sa historia. Cambio 16, Madrid. 5.01.2013

⁸ Angoso R. La tregna trampa y el narcotrafico. Cambio 16, Madrid. 27.01.2013

⁹ La nacion. Bs As, 22.01.2013

¹⁰ La nacion. Bs As, 05.02.2013

EL DERECHO INTERNACIONAL EN EL PENSAMIENTO ESPAÑOL

Статья содержит анализ взгляда философа Хосе Ортега и Гассет на международное право и на место в нем войны как способа разрешения международных конфликтов. Также проводится параллель между представлением философа XX века и теорией представителя XV века: Франсиско де Витория, основоположник Школы Саламанки и основателем современного международного права. Сравнение этих философов приводит к выводу, что теорий Франсиско де Витории и Ортега и Гассет могут служить для более глубокого анализа современных проблем международного права и таких институтов как ООН.

Ключевые слова: международное право, Хосе Ортега и Гассет, Франсиско де Витория, проблемы реформирования ООН, испанская философия, пацифизм, война в международных отношениях.

The article contents the analysis of one of the aspects of Ortega y Gasset's philosophy: his view of the international law and the role of war as an instrument of resolving conflicts. As well, this article establishes a parallel between the theories of XX century philosopher, Ortega, and a thinker of the XV century, Francisco de Vitoria who is considered to be a founder of the School of Salamanca and creator of modern international law. This kind of comparing let us see not only that they have a lot of in common, but also that their theories can be used to resolve actual problems which emerge when some norms are unable to resolve conflicts or the functioning of international organizations as UN is inefficient.

Keywords: International law, José Ortega y Gasset, Francisco de Vitoria, Unites Nations, actual problems of international law, the international law in Spanish philosophy, the pacifism and war

La traducción al inglés del libro *La rebelión de las masas* hizo al extraordinario filósofo español, José Ortega y Gasset, plantearse la siguiente cuestión, a todas luces filosófica: ¿por qué el éxito de su libro en Gran Bretaña? Ese asunto le llevó a señalar los problemas más urgentes que tenía entonces la sociedad inglesa. Ya en 1937 para Ortega fue obvio el fracaso del pacifismo inglés. Era un problema que requería una solución adecuada, entre otras razones, porque de ese asunto dependía la paz y el bienestar de los países de Europa. ¿Qué medios permitirán instaurar la paz sobre la tierra? He ahí la pregunta central que se hace Ortega en el ensayo titulado *En cuanto al pacifismo*, que aparece como epílogo en una de las obras más emblemáticas del filósofo español, *La rebelión de la las masas*.

Empieza Ortega el análisis del fracaso de la política pacifista desde sus raíces señalando que su mayor error fue sobrestimar al enemigo, o sea, exagerar la naturaleza viciosa y dañina de la guerra. “Como toda forma histórica, tiene la guerra dos aspectos: el de la hora de su invención y el de la hora de su superación”.¹ Los pacifistas han exagerado la crueldad de la guerra y olvidaron que más que un instinto, algo brutal y salvaje, es un invento humano que ha traído consigo otros, por ejemplo, tan importantes y decisivos para el desarrollo humano como la disciplina.

En general, la guerra según Ortega es “una genial y formidable técnica de vida y para la vida”² que sirve para resolver ciertos conflictos que sin

ella se quedan sin resolución. El fracaso de los pacifistas consistió en olvidar de que la paz no es mera ausencia de guerra y que la guerra puede ser extirpada sin necesidad de su sustitución. Todo lo contrario: “La paz no es un fruto espontáneo de ningún árbol. Nada importante es regalado al hombre; antes bien, tiene él que hacérselo, que construirlo”.³ No son principalmente las pasiones belicosas que llevan el hombre a hacer guerra, sino los conflictos. La buena intención de proclamarse pacifista y al empezar el proceso de desarme, aunque así lo hiciesen todos, pero sin olvidar que es poco probable, no resolverá los conflictos, ellos no desaparecerán si cerramos los ojos. Ante todo, el pacifismo tiene que convertirse de un deseo y buena intención en un conjunto de nuevas técnicas para asegurar la paz⁴.

La paz, según el filósofo, además de ser una vaga definición, es “el derecho como forma de trato entre los pueblos”.⁵ Así, el pacifismo se equivocó en definir qué es el derecho, pensando que es lo que hay, lo que siempre está a la disposición y sólo los violentos instintos de hombres inducían a ignorarlo. Para mostrar que no es así Ortega nos propone un claro esquema de lo qué es el derecho vigente. Hay tres fases, según Ortega, para que el derecho exista como una norma vigente:

- Unos hombres descubren ciertas ideas o principios de derecho.
- La expansión de esas ideas en la comunidad.
- La consolidación de esas ideas de derecho en forma de “opinión pública”.⁶

Luego, añade: “No importa que no haya legislador, no importa que no haya jueces”. Y esto puede ser de la importancia trascendental, sobre todo, a la hora de analizar la razón de fracaso de los proyectos como *Sociedad de las Naciones* y *ONU*.

El filósofo Ortega y Gasset en un momento dado escribe que “un derecho referente a las materias que originan inevitablemente las guerras no existe. [...] no existe ni siquiera como idea, como puro teorema, incubado en la mente de algún pensador. Y no habiendo nada de esto, no habiendo ni en teoría un derecho de los pueblos, ¿se pretende que desaparezcan las guerras entre ellos?”.⁷ Claro que no. No podemos creer en esta frivolidad, tampoco podemos permitirnos dejar en el absoluto olvido a otro pensador español y filósofo eminente del *Siglo de Oro*, que elaboró más que una idea sobre el derecho internacional. Como ambos trataron el mismo tema vale la pena intentar a establecer un diálogo entre ellos. Puede parecer una intención absurda o desatinada, pero a pesar del tiempo recurrido entre los dos pensadores, ellos tienen algunos puntos en común. Leyendo Ortega reconocemos a Francisco de Vitoria. Dicho de otro modo, ellos, a pesar de varias diferencias, pertenecen a una tradición, una

corriente intelectual hispánica, que es bastante fuerte en Ortega a pesar de la influencia que ejerció en él la filosofía alemana.

Justifiquemos porque utilizamos las ideas de Vitoria, o sea, de un teólogo como dirán algunos, para decir que sus conceptos tienen poco o nada que ver con el moderno concepto de derecho, sobre todo, internacional. No vamos a precisar lo que significaba ser teólogo en aquellos tiempos, pero sí recordar que Vitoria fue el primero que separó la vida civil de la vida religiosa. Dicho de otro modo, sus conceptos del Estado y de orden internacional tenían la misma vigencia si les aplicamos a los países cristianos o no. ¿No es eso el primer anuncio de la modernidad? Además, en los tiempos de Vitoria, las naciones estaban en el proceso de su formación, él fue el primero que captó el proceso de cambio al rechazar el poder del papa y del emperador como señores del orbe para crear las bases del derecho internacional. En otras palabras, Vitoria ya no representa la tradición medieval. Vitoria es un moderno. Vitoria había creado sus teorías para el estado nacional (una república) que hasta hoy son los protagonistas de la política internacional, eso quiere decir que la teoría de padre Vitoria todavía es vigente, pero, sin duda, necesita ser actualizada según, dicho sea en términos ortegianos, la circunstancia actual.

Volvemos a nuestro punto de partida. Ortega había señalado que el derecho para ser una norma vigente tiene que ser bien difundida en la opinión pública. Ahora veremos cómo lo ha visto el fundador de la escuela salmantina: el derecho sólo puede ser ejercido cuando existe un espíritu colectivo de respeto hacia el mismo.⁸ Pero no es la única coincidencia. “No importa que no haya legislador, no importa que no haya jueces” dice Ortega y Vitoria admite que en el trato de unos pueblos con otros no cabe recurrir a instancias superiores porque no los hay.⁹

Aclaremos brevemente el concepto de derecho internacional, del antiguo *ius gentium*, que tenía Vitoria. Entre el concepto de Estado y de la comunidad internacional del burgalés existe un paralelismo, pero ambos se basan en el concepto de la naturaleza humana. Empecemos por lo básico: el ser humano, según Vitoria, se compone de la parte racional y sensitiva y ninguna de ellas representa inclinación al mal. Las pasiones, la parte sensitiva, tiene que ser subordinada a la razón, para evitar su uso inapropiado: “El hombre es el hombre precisamente por ser racional, no por ser sensitivo, [...] No se nos imputan las sugerencias de la carne ni de sus obras o deseos son cosa nuestra, sino sólo aquello que admite o persigue el libre albedrío”.¹⁰ Así, “la inclinación natural del hombre siempre tiende a lo bueno y honesto y nunca sugiere mal”.¹¹ El hombre se malogra no por la imposibilidad de enfrentar a sus pasiones, sino porque el fin de la sociedad y el fin personal no siempre coinciden.

La república es la forma de vida en sociedad que responde a la naturaleza humana, como dijo Aristóteles “el insocial por naturaleza y no por azar o es mal hombre o más que hombre”. Los autores como Vitoria, Juan Ginés de Sepúlveda, luego Juan Solórzano Pereira, seguían a los clásicos de la Antigüedad interpretándolos dentro de la tradición cristiana y decían que sólo dentro de la sociedad un hombre puede ser un hombre, en ella se basaba la auténtica humanidad de la persona, o sea su capacidad de perfeccionamiento y aprendizaje. Así, la naturaleza humana es el fundamento del poder civil. Según Vitoria, la república verdadera es la que se basa sobre el acuerdo mutuo de ciudadanos a entregar parte de su autoridad a un príncipe que les provee de las leyes justas y que tendrá el uso legítimo de la violencia. El Estado, pues, se basa sobre el acuerdo de ciudadanos que renuncian al derecho al uso de la violencia para que sea el príncipe el que haga uso legítimo de la violencia, porque es el único responsable por la conservación de la república y la felicidad de los ciudadanos.

¿Qué garantiza que el príncipe obrará por el bien común? Si él olvida del bien común y utiliza el poder para aumentar su bien privado, ya no es el príncipe, sino un tirano y contra el tirano siempre hay una práctica legítima de sustitución o, en peor de los casos, de tiranicidio. Alcanzar el bien común ayudan leyes que tienen que ser justas, si la ley no es justa, deja de ser ley. La justicia se define por el derecho natural, se basa en la razón natural que es el sentido innato de lo justo y lo injusto, porque como señalábamos más arriba la naturaleza del hombre es buena, sólo la educación deficiente o las perjudiciales influencias y costumbres la hacen mala, pero en este caso hombre ya no vive a la altura del ser humano, deja de ser hombre. Interpretado de este modo, el derecho natural es lo que se debe de manera necesaria a otro, implicando la igualdad entre lo que uno debe y recibe, que es lo adecuado y absolutamente justo.

Pero el alcance del bien común no depende únicamente de las razones internas, porque los estados, o repúblicas, son numerosos y unos pueden intervenir en los asuntos de los demás. Así, todos ellos tienen una única finalidad que es el bien común de cada república, pero, como los intereses entre ellos difieren, tienen que subordinar sus intereses particulares a un fin común que es el orden internacional que se rige por el derecho de gentes. El derecho de gentes a veces puede ser incluso injusto, es lo que le difiere del derecho natural, pero es el necesario suplemento al derecho natural de repúblicas porque permite su conservación, pero no es imprescindible: “Aquello que no es justo por sí mismo, sino por un estatuto humano fijado en la razón, se llama derecho de gentes, de modo que por sí mismo no

importa equidad, sino en orden a algún otro, como la guerra y otras cosas semejantes”.¹²

El derecho de gentes, y aquí volvemos al tema principal, es el derecho positivo y tiene su origen en el consenso tácito de todas las naciones “para la abolición de tal derecho sería necesario que todo el orbe conviniese; lo cual es imposible [...]” O sea, en el derecho internacional o de gentes no hay instancias superiores (en esto coinciden Ortega y Vitoria). A pesar de esto “ninguna nación puede darse por no obligada ante el derecho de gentes, porque está dado por autoridad de todo el orbe”.¹³ Dicho de otro modo, el derecho de gentes tiene su origen en el consenso tácito de todas las naciones “porque una vez que, por consentimiento virtual de todo el orbe, se ha establecido y admitido alguna cosa, para la abrogación de tal derecho sería necesario que todo el orbe conviniese; lo cual es imposible, porque es imposible que el consenso de todo el orbe convenga en la abrogación del derecho de gentes”.¹⁴ También Ortega resalta: “Si aquellas ideas señorean de verdad las almas, actuarán inevitablemente como instancias para la conducta a la que se puede recurrir. Y esta es la verdadera sustancia del derecho”.¹⁵

En fin, Vitoria y Ortega coinciden en señalar la sustancia del derecho, pero Ortega no señala cómo puede funcionar el derecho internacional sin sociedad u organización superior, pero nos señala una pauta. Vitoria va más allá y con su realismo explica cómo funciona la autoridad internacional.

Según Ortega, “el derecho es estático y no en balde su órgano principal se llama Estado El hombre no ha logrado todavía elaborar una forma de justicia que no esté circunscrita en la cláusula *rebus sic stantibus*” Mientras en Vitoria: el derecho natural no se cambia porque su base es la naturaleza humana que define lo justo y lo injusto. Para ambos autores el derecho dentro de Estado o República es estático y rígido, para Vitoria este derecho es el derecho natural, en los tiempos de Ortega es estatal, el primero (el derecho natural) es siempre justo, el segundo (el de Estado) se encuentra bajo la influencia a veces arbitraria del poderoso. De aquí que el conflicto y mayor problema del derecho internacional contemporáneo: es la utilización de los principios de derecho estatal para la esfera de relaciones internacionales que está abocado al fracaso porque: “El derecho tradicional es el reglamento para la realidad parálitica, pero la realidad histórica cambia periódicamente de modo radical y choca con la estabilidad de derecho, se convierte en la camisa de fuerza que puesta a un hombre sano tiene la virtud de volverle loco furioso. [...] De aquí ese extraño aspecto patológico que tiene la historia y que la hace aparecer como una lucha sempiterna entre los paráliticos y los epilépticos. Dentro del pueblo se

producen las revoluciones y entre los pueblos se estallan las guerras. El bien que pretende ser el derecho se convierte en un mal, [...]”¹⁶

Por ello, concluye Ortega, la esfera internacional “necesita un derecho dinámico, un derecho plástico y en movimiento, capaz de acompañar a la historia en su metamorfosis”. Como ejemplos nos señala *British Commonwealth of Nations* que es un fenómeno jurídico, pero no definido. También cita a Balfour: “En las cuestiones del imperio es preciso evitar el *refining, discussing or defining*” y a Austen Chamberlain “la unidad del imperio británico no está hecha sobre una constitución lógica. No está siquiera basada en una constitución. Porque queremos conservar a toda costa un margen y una elasticidad”. Un político no ha venido para definir. La elasticidad permite a un derecho ser plástico, y si se le atribuye un margen, es que se prevé su movimiento.¹⁷ El principio de “margen y elasticidad”, por lo tanto, es fundamental para el funcionamiento eficaz del derecho internacional. Francisco de Vitoria en este caso cita a Aristóteles: “si se quiere deliberar siempre se irá hasta lo infinito”¹⁸.

Ahora veremos la visión de Vitoria de la autoridad internacional. Él, negando la autoridad del papa y del emperador, se encuentra ante la necesidad de fundamentar un nuevo tipo de relaciones entre Estados soberanos (recordamos que ellos estaban en el proceso de formación). El derecho de gentes tenía que cumplir esa función, llenar el vacío que existe sin la autoridad suprema del papa. En la república el rey que da leyes está obligado a cumplirlas, en el derecho de gentes los que definen las normas tienen que seguirlas. El problema es que en la república los ciudadanos dan la autoridad al gobernador, en la comunidad internacional *no se puede delegar a un soberano o a una institución* (coincide con Ortega). Resulta que para Vitoria todo se basa sobre el individuo, su naturaleza y antes que nada sobre la persona del príncipe. Es decir, Vitoria va más allá de Ortega señalando la estructura internacional, y estatal, pero para él la naturaleza racional del hombre que es su disposición a servir al bien común es la condición primaria e innegable. Mientras que Ortega deja sin precisar la solución de este problema que para él, un filósofo racionalista como para cualquier hombre de nuestro tiempo, no puede basar su razonamiento en la idea que tiene por fundamento Dios o el individuo responsable, racional, capaz de autolimitarse sin imposición de otras autoridades supremas.

El realismo de Francisco de Vitoria va más allá. Él señala que es imposible que todas las naciones definan las normas del derecho y aquí aparecen *primus inter pares*: en el derecho de gentes las normas están impuestas *por la autoridad de todo el orbe, pero no por todo el orbe*. Históricamente fueron las primeras naciones, seguramente, las más desarrolladas que constituían las normas del derecho de gentes. Es como un

pacto entre las más poderosas y desarrolladas civilizaciones, las otras naciones tienen que seguirlo porque éstas actúan para el bien de sus repúblicas y de todo el orbe (porque sus príncipes persiguen el bien de sus repúblicas que se basa en paz y convivencia con otros).

Sin duda, existía la posibilidad del pacto entre ellas que, naturalmente, podía “legitimar” la injusticia al nivel internacional para subyugar otras naciones. En este caso significa que ellos dejaban de perseguir el bien común sino sus intereses, así las normas establecidas no eran justas y las normas injustas dictadas por unos pocos estados dejaban de tener la fuerza de las leyes: “Si, pues, hubiera alguna ley humana que sin causa alguna prohibiera lo que permite el derecho natural y divino, sería inhumana e irracional, y, por consiguiente, no tendría la fuerza de ley”¹⁹ Así no es posible aceptar cualquier norma como propia del derecho de gentes, incluso en el caso de ser producto del acuerdo de varias naciones, si la misma perjudica o va en detrimento de alguna otra.

El derecho de gentes puede llevar a las contradicciones entre el derecho natural o individual y el derecho internacional que se resuelve subordinando el derecho de los individuos al bien de todo el orbe. Por ejemplo, la esclavitud o guerra podría ser injusta al individuo, pero justa para conseguir el bien de república, es decir el individuo tenía que sacrificar su bien al bien común. También el bien común del orbe puede no coincidir y el bien de una república, en este caso, la guerra emprendida por esta república será injusta siempre y cuando se conviertase en el único beneficiado.

Acordémonos el principio del texto y la opinión de Ortega sobre la guerra que para él fue “una genial y formidable técnica de vida y para la vida”. Para Vitoria la guerra es un elemento pacificador y un instrumento para establecer la justicia, es un instrumento que poseían los inocentes para defender sus derechos frente a los injustos. Así, la única causa justa de la guerra es la injuria recibida, la violación de un derecho, otras causas como religión, la expansión, etc. no eran suficientes. “El fin de la guerra es la paz y la seguridad de la república”, como dice Agustín. Y no podrá haber paz en la república si no disuadiese al enemigo de cometer injusticia con el temor de la guerra.”²⁰ Sin duda, hay que tener en cuenta la magnitud del agravio para evitar que cualquier excusa provocara la guerra. Los príncipes de las repúblicas perfectas pueden imponer el orden dentro de su comunidad para evitar el triunfo de los elementos perniciosos (extranjeros que violan los derechos de ciudadanos), pero no actúan por su propia iniciativa, sino con la autoridad del orbe, así el príncipe se convierte en un juez de sus enemigos porque no hay otra autoridad mundial.

Lo que demuestra el texto de Ortega es la vigencia de la teoría vitoriana y da un paso más en su desarrollo. En este texto hay sólo una aproximación al análisis del pensamiento de filósofos españoles que pertenecen a distintas épocas, pero ya en ello podemos ver que profundizándolo es posible mejorar algunas teorías del derecho internacional y convertirlos en un instrumento más eficaz para reformar las instituciones existentes.

¹ Ortega y Gasset J., *Rebelión de las masas*, p. 166.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*, p. 167.

⁴ *Ibid.*, p. 173

⁵ *Ibid.*, p. 168.

⁶ *Ibid.*, p. 168.

⁷ Ortega y Gasset J. *Rebelión de las masas*, p. 169.

⁸ Castilla Urbano Fr., *El pensamiento de Francisco de Vitoria*.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *De homicidio*, p. 1097.

¹¹ *De homicidio*, p. 1087.

¹² *Comentarios a la II-II*, q. 57 (160)

¹³ *De potestate civili*, p. 191-192.

¹⁴ *Comentarios a la II-II*, q. 57, a. 3, n. 1; vol. III, p. 16.

¹⁵ Ortega y Gasset, p. 169.

¹⁶ Ortega y Gasset, *Rebelión de las masas*, p. 171.

¹⁷ Ortega y Gasset, *ibid.*, p. 172.

¹⁸ Aristóteles, *Ética a Nicómaco*, III, 5, 1113 a 2.

¹⁹ Vitoria Fr., *De indis*, p. 80.

²⁰ Vitoria Fr., *De iure belli*, p. 107.

МИРНЫЙ ПРОЦЕСС В ГВАТЕМАЛЕ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

Процесс мирного урегулирования в Гватемале был длительным. Первые шаги были предприняты еще в 1986 году. Урегулирование конфликта зависело от политических процессов в стране. Важным фактором были парламентские и президентские выборы. Урегулирование конфликта замедлялось многочисленными социальными и экономическими проблемами.

Ключевые слова: Гватемала, политические процессы, политические конфликты, урегулирование конфликта

The process of peaceful settlement in Guatemala was protracted. The first steps in settlement process were made in the 1986. The settlement of conflict depended on political processes in the country. Parliamentary and presidential elections were important factors in the process. The settlement of conflict was slowed by numerous social and economic difficulties.

Keywords: Guatemala, political processes, political conflicts, the settlement of conflict

Путь к мирному урегулированию 36-летнего вооруженного конфликта в Гватемале (1960 – 1996) был долгим и тернистым. Более 10 лет длились попытки наладить диалог правительства Гватемалы с руководством Гватемальского национального революционного единства (Unidad Revolucionaria Nacional Guatemalteca, URNG). Первые шаги были предприняты еще в 1986 году. Несмотря на то, что правительство Сересо Аревало (1986 – 1991) было инициатором центральноамериканских встреч в верхах, и в августе 1987 года подписало соглашения Эскипулас-II, Гватемала долгое время не торопилась с их выполнением. Причиной тому послужила позиция военных и бизнес элит, полномочия которых были практически безграничны. Военные занимали руководящие должности большинства гражданских структур. Они отрицали саму идею необходимости диалога с партизанами, предлагая лишь амнистию тем, кто сложит оружие.

Тем не менее, к концу президентского срока Сересо ситуация начала меняться. Под давлением международного сообщества и окрепших общественных организаций, идея диалога представлялась вполне перспективной и обоснованной. В марте 1990 года в Осло состоялась встреча представителей правительственной Комиссии по национальному примирению (Comisión Nacional de Reconciliación, CNR) Гватемалы и руководства УРНГ, результатом которой стало Соглашение о принципах поиска путей достижения мира политическими методами. Этот документ предусматривал проведение серии встреч руководства повстанцев с представителями политических партий, предпринимательских ассоциаций, общественных и религиозных организаций¹.

Осенью 1990 года диалог был прерван в связи с избирательной кампанией. УРНГ как обычно призывало бойкотировать выборы, однако на этот раз отказалось от боевых действий, тем самым показав уважение к народному волеизъявлению и готовность к продолжению диалога². На президентских выборах победу одержал Серрано Элиас (1990 – 1993). Годы его правления были ознаменованы ростом преступности, коррупции, нарушений прав человека. Обстановка в стране была накалена до предела. Тем не менее, под давлением международной общественности диалог с партизанами был продолжен в июле 1991 года, в ходе которого было подписано рамочное соглашение о поисках мира политическими методами. В сентябре 1991 года состоялся новый раунд диалога, который, к сожалению, оказался безрезультатным. Стороны отказывались идти на компромисс.

В политическом диалоге наметилась длительная пауза до мая 1993 года. Именно тогда Серрано совершил попытку государственного переворота. Реакция политических кругов и международной общественности на подобные действия была резко отрицательной. И без того неокрепшая демократия оказалась под угрозой. Под дипломатическим давлением ряда латиноамериканских государств, США и ЕС, Серрано пришлось уйти в отставку и покинуть страну. Временным президентом был назначен Рамиро де Леон Карпио (1993 – 1996), который до этого являлся общественным защитником прав человека. Несмотря на огромное желание нового президента ускорить мирный процесс, препятствием на его пути были позиции военного истеблишмента и олигархических кругов.

Тем не менее, процесс примирения стал набирать обороты. В январе 1994 года в Мексике было подписано рамочное соглашение о возобновлении переговорного процесса. Данное соглашение приносило ряд новшеств в динамику мирных переговоров, например, создание Гражданской Ассамблеи (*Asamblea de la Sociedad Civil*); формальное утверждение группы дружественных стран, к которой относились Колумбия, Испания, США, Мексика, Норвегия и Венесуэла. Большое внимание уделялось значимости международного посредничества в мирном урегулировании конфликта. Впервые стороны были решительно настроены на ускорение мирного процесса³. В марте 1994 года был разработан график проведения дальнейших встреч и подписано Всеобъемлющее соглашение по правам человека, а в июне того же года было подписано Соглашение по восстановлению поселений, уничтоженных в ходе вооруженного противостояния, и Соглашение об учреждении Комиссии для исторического освещения нарушений прав человека и актов насилия, причинивших страдания населению.

Новый импульс переговорный процесс получил в мае 1995 года. Его очередной раунд закончился подписанием Соглашения о самобытности и правах индейских народов. К участию в переговорах были приглашены представители ООН в качестве наблюдателей и советников⁴. В августе 1995 года после встречи лидеров повстанцев с ведущими политическими партиями был подписан Гражданский пакт о свободных выборах. Командование УРНГ в одностороннем порядке обязалось прекратить боевые действия в период избирательной кампании с 1 по 13 ноября, тем самым показав всю серьезность своих намерений продолжить диалог с правительством. Победителем президентских выборов стал Арсу Иригойен (1996 – 2000). С его именем связан завершающий этап мирного урегулирования гватемальского вооруженного конфликта. Сразу после его победы в январе 1996 года политический диалог правительства и повстанцев вышел на финишную прямую.

Заслугой нового президента стали решительные шаги в изменении статуса военной элиты. Во время его правления были проведены чистки в военных кругах. Кроме того, были совершены перемены в членском составе правительственной Комиссии, ответственной за ведение диалога с повстанцами, теперь в нее входили люди различной политической ориентации. Это стало хорошим импульсом к подписанию окончательного мирного соглашения. В течение 1996 года политический диалог активно продолжался. Последующие раунды переговоров включали серию важнейших социально-экономическим вопросов, вопросов о судьбе военных трибуналов и гражданских патрулей, которые решено было отменить и распустить, было подписано Соглашение об усилении гражданской власти и определением функции армии в демократическом обществе⁵.

Завершающий декабрьский раунд переговоров был посвящен военным вопросам. 4 декабря в Осло было подписано Соглашение об окончательном прекращении огня, 7 декабря в Стокгольме – Соглашение о конституционных реформах и избирательном режиме. 12 декабря в Мадриде было подписано Соглашение об основах включения УРНГ в гватемальский политический процесс. И, наконец, 29 декабря 1996 года в Гватемале было подписано Соглашение о прочном и длительном мире, а также Соглашение о графике его реализации.⁶ Так завершился один из самых долгих и кровопролитных вооруженных конфликтов Центральной Америки.

Казалось бы, братоубийственной войне, унесшей более 200 000 жизней гватемальцев, пришел конец и в стране должен был начаться совершенно новый этап. Однако те ожидания, которые возлагались на

мирные соглашения, не были оправданы. До сих пор не произошло серьезных изменений в социально-экономической жизни населения страны. Нерешенным остался аграрный вопрос. До сих пор не произошло полноценного вовлечение индейского населения в жизнь общества. Прогресс в этих областях носит лишь фрагментарный характер.

Что касается демократизации государства, то она носит формальный характер и имеет ряд существенных недостатков, не позволяющих добиться прогресса в экономической, политической и социальной жизни. Это, прежде всего, отсутствие поправок к закону о выборах и политических партиях, отсутствие глубокой налоговой реформы. Целый ряд условий мирных соглашений так и не был выполнен⁷. К числу нерешенных вопросов относятся проблемы организованной преступности, наркотрафика, незаконной торговли оружием и многие другие. Крайне острой является проблема насилия. По данным Общественной программы по безопасности и предотвращению насилия ПРООН в Гватемале (Programa de Seguridad Ciudadana y Prevención de la Violencia del PNUD Guatemala) к моменту подписания мира количество убийств составляло 3998 человек в год, в то время как к 2006 году – уже 5885 человек в год.⁸ В дальнейшем число убийств увеличивалось с каждым годом. Столь печальные данные, безусловно, затмевают те слабые положительные результаты, которые были достигнуты после подписания мира.

Нынешнему правительству Гватемалы во главе с президентом Отто Пересом Молиной, вступившем в должность в 2012 году, безусловно, есть над чем работать. В одном из своих интервью президент заявил, что ему и его правительству удалось навести порядок в административной и финансовой области. По его словам, людям был открыт доступ к информации о состоянии бюджета, было предотвращено перемещение денежных средств и административный беспорядок, которые способствовали коррупции в предыдущем правительстве. Также президент утверждал, что большая работа была проведена в сфере безопасности. Так, только в одном городе Гватемале, где совершается 50% всех преступлений, количество убийств в 2012 году снизилось на 23%. Социальная сфера тоже была приведена в порядок – стал прозрачным процесс распределения государственных субсидий малоимущим гражданам. Тем не менее, впереди еще долгий путь и предстоит сделать многое⁹.

Конечно, процесс мира – процесс длительный, это серьезная и ответственная работа, требующая максимума усилий со стороны гватемальского правительства и общественности. Будем надеяться, что че-

рез какое-то время Гватемале удастся обеспечить достойную и безопасную жизнь своим гражданам, преодолеть все основные трудности в политической и социально-экономической сфере, а также поднять имидж Гватемалы не только в глазах латиноамериканского сообщества, но и всей международной общественности.

¹ Чумакова М.Л. Долгий путь к миру / М.Л. Чумакова // *Латинская Америка*. – 1997. - №7. – С. 19

² Там же. – С. 20

³ Azrupu D. *Peace and democratization in Guatemala: two parallel processes* / D. Azrupu // *Comparative peace processes in Latin America* / ed. Cynthia J. Arnson. – Washington [D.C.], 1999. – P. 110

⁴ Kruijt D. *Guatemala's Political Transitions, 1960 – 1990s* / D. Kruijt // *International Journal of Political Economy*. – 2000. – Vol. 30. – No 1. – P. 23.

⁵ Torres Cevallos B. *Los acuerdos de Paz en Guatemala* / B. Torres Cevallos // *AFESE*. - No 45. – P. 27 – 29.

⁶ *Ibid.* – P. 30 – 33

⁷ Интервью Пабло Монсанто для PrensaLibre. – (<http://www.prensalibre.com>)

⁸ *Informe estadístico de la violencia en Guatemala. Programa de Seguridad Ciudadana y Prevención de la Violencia del PNUD Guatemala*. – P. 9.

⁹ Интервью Переса Молины телеканалу RT. 29.01.2013. – (<http://www.russian.rt.com>)

ВЕНЕСУЭЛА: POST-CHAVEZ

Юрий РАЙХЕЛЬ

ЛЕВЫЙ РАДИКАЛИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ ТЕРЯЕТ ПОПУЛЯРНОСТЬ*

Не так давно для развития Латинской Америки было свойственно левое направление. Кубинский лидер Фидель Кастро, отойдя от непосредственного управления страной, в своих записях в блоге приветствовал венесуэльского лидера Уго Чавеса как непобедимого борца с империализмом янки.

Выступая 2006 году во время визита на Кубу, он обещал, что «мы воплотим мечты Боливара – и несколько республик станут единой нацией». Соответственно и Венесуэла превратилась в боливарианскую республику. На то, чем завершилась мечта Боливара о Большой Колумбии, Уго Чавес не счел необходимым указать, но имело смысл это сделать. Все попытки создать единое государство привели к длинной цепи войн, последняя из которых между Эквадором и Перу завершилась 1995 году. А две Тихоокеанские войны забрали сотни тысяч человеческих жизней.

Попытки с помощью оружия насадить так называемые революционные режимы были безуспешными. Не удалось это Фиделю Кастро, Эрнесто Че Геваре, и тем более не под силу это и Уго Чавесу. Наступило время, когда это стало очевидным и для него самого. В его любимой телевизионной программе «Alo presidente» он глубокомысленно заявил: «Партизанская война стала достоянием истории», – сказал он и, выдержав небольшую паузу, повторил, – «стала достоянием истории». С этими словами он обратился к Альфонсо Кано, лидеру колумбийских повстанцев из движения «Революционные вооруженные силы Колумбии – Армия народа» (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia – Ejército del Pueblo, FARC). Так одной из самых старых леворадикальных организаций в Латинской Америке был нанесен смертельный удар.

* Печатается по Райхель Ю. Лівий радикалізм в Латинській Америці втрачає популярність / Ю. Райхель // Український тиждень. – 2011. – 16 листопада. – (<http://tyzhden.ua/World/35471>). Перевод с украинского языка М.В. Кирчанова.

В Латинской Америке левые идеи обычно имели значительную поддержку и сторонников и не всегда авторитарных. Например, чилийский президент Сальвадор Альенде был последовательным демократом, который пытался воплотить свои замыслы политическими методами. Однако значительно чаще левые режимы сводились к обычным авторитарным, популистским по содержанию и практическим по своей деятельности. По большей части, они были реальны там, где, как в Венесуэле, существует возможность безудержно эксплуатировать природные богатства, или, как на Кубе, за счет внешней поддержки. В условиях ужасной бедности, коррумпированности государственного аппарата левые идеи имели и имеют сторонников. А те, кто готов их широко применять, всегда найдутся.

Именно такие события происходили в последнее время в ряду стран Латинской Америки. В Эквадоре, Боливии, Перу к власти демократическим путем приходят политики левого толка. Казалось, что Уго Чавес может праздновать победу. Что и состоялось. Приветствие, братание, обещания финансовой и другой поддержки. Однако не все вышло так, как было задумано. Как оказалось, реальность значительно более прозаична левых розовых иллюзий.

Президент Боливии Эво Моралес, который создал 1995 году партию «Движение к социализму» (Movimiento al Socialismo, MAS), начал свое правление с резкого противостояния с США. Сначала он хотел национализировать газо- и нефтедобывающую промышленность, однако со временем охладел и продолжил сотрудничать с международными компаниями. Главным камнем преткновения в отношениях с Америкой было производство коки.

Моралес возглавлял движение крестьян-кокалеро (тех, кто выращивает коку). Он неоднократно заявлял: «этот листочек сформировал меня как личность, как политика, а теперь и как президента. Поэтому я не могу предавать его, согласившись на требования американцев об уничтожении посевов, не могу предавать миллионы наших крестьян, для которых лист коки свят и никоим образом не связан с наркотиками». Традиция коренного индейского населения Боливии (аймара и кечуа), а сам Эво Моралес по национальности принадлежит к аймара, жевание листков коки насчитывает свыше тысячи лет, и она никогда не вызывала наркотических проблем в их обществе.

Отношения между Боливией и США были прерваны три года назад, когда президент Эво Моралес со скандалом выслал из страны американского посла Филиппа Голберга. Боливийский лидер обвинил дипломата в поддержке своих политических оппонентов и подготовке государственного переворота. Немного погодя, используя аналогич-

ный повод, из Боливии были высланы работники Федерального управления США из борьбы с распространением наркотиков.

Впрочем, за год выяснилось, что идеологическая дружба с Кубой и Венесуэлой, а также Россией, не дает возможности решить экономических проблем Боливии. В конечном итоге, в 2009 году Ла-Пас начал тайные консультации с американской администрацией о возобновлении отношений. Документ об этом подписали в Вашингтоне заместитель председателя МВД Боливии Хуан Карлос Алерральде и заместитель госсекретаря США по глобальным проблемам Мария Отеро. Среди прочего, в документе предусматривалось расширение взаимодействия между правоохрнительными органами США и Боливии, в частности – борьбы с контрабандой наркотиков.

В целом, это является началом отказа президента Моралеса от крайней левой фразеологии и соответствующих действий. Недавно ему пришлось отказаться от амбициозного плана прокладки шоссе через сельву к границе с Перу. Там Боливия, которая не имеет выхода к морю, арендовала на 99 лет небольшой участок побережья для строительства порта. Протесты жителей сельвы, преимущественно индейцев аймара и кечуа, вынудили руководство страны отказаться от этого плана. В свою очередь, это привело к снижению уровня его популярности. Поэтому именно тогда пришло время возобновлять отношения с Вашингтоном, который не так давно беспощадно клеймили.

Аналогичная трансформация состоялась и с президентом соседнего Перу О. Умалой. Его политическая деятельность началась в октябре 2000 года с попытки восстания против президента Альберто Фухимори. Позднее его амнистировали и назначили помощником военного атташе в Париже, позже – в Сеуле. В декабре 2004 года он подал в отставку, учредил и возглавил Перуанскую националистическую партию – объединение радикального направления. В 2006 году он принимал участие в президентских выборах, впрочем, став лишь вторым. В его поражении особую роль сыграл внешний фактор. Президент Уго Чавес откровенно выступал в поддержку О. Умалы, угрожая разорвать дипломатические отношения в случае победы правого кандидата, что вызывало сильное недовольство в Перу. На парламентских выборах ему все-таки посчастливилось. Партия получила 45 мандатов из 120 и стала весомым игроком.

На выборах Умала проявил себя в новом образе. В одном из интервью он отмечал: «Речь идет не об изменении капиталистической модели, не об отходе от открытой рыночной экономики, а об исправлении ее недостатков». За предыдущие годы рост ВВП Перу составил 9% в год. Умала обещал не реформировать в угоду собственным ам-

бициям Конституцию, как это делали в ряде стран региона, в частности, в Венесуэле, придерживаться демократических норм, принципа разделения властей, защищать и уважать права частной собственности, свободу средств массовой информации. Умала обещал придерживаться договоренностей с иностранными государствами, в частности, соглашений о свободной торговле. Во время дебатов заявлял, что в случае прихода к власти не будет вступать в Боливарианский альянс Америк – любимое детище своего прежнего кумира Уго Чавеса.

Показательными стали и заграничные визиты. Первый был не в Венесуэлу, а в Бразилию, где уже длительное время власти придерживаются достаточно умеренного для Латинской Америки курса. Кроме этого еще до вступления в должность Умала осуществил поездку к США... Кажется, что звездный час левых в Латинской Америке проходит. Оказываясь у власти на волне популистских обещаний, они быстро сталкиваются с экономическими проблемами, которые можно решить, исключительно прибегая к экономическим рычагам пусть и ограниченного, но либерального направления. Поэтому число сторонников и последователей Уго Чавеса в ближайшее время вряд ли увеличится.

РОЛЬ И МЕСТО УГО ЧАВЕСА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Данная статья посвящена истории правления президента Венесуэлы Уго Чавеса. Автор показывает основные вехи его политической биографии, оценивает результаты его правления и объясняет, каким образом ему удалось в течении полутора десятилетий бесспорно оставаться у власти.

Ключевые слова: Боливарианская революция, диктаторский режим, централизация власти, усиление роли государства, национализация.

The article is devoted to the history of the board of the President of Venezuela Hugo Chavez. The author shows the main landmarks of his political biography, evaluates the results of his board and explains how he was able to remain in power within half decades.

Key words: the Bolivarian revolution, dictatorship, centralization of power, the strengthening of the role of the state, nationalization.

5 марта 2013 года на 59 году жизни после тяжелой болезни скончался президент Венесуэлы Уго Чавес. Это был весьма неординарный человек, никого не оставлявший равнодушным. Как бы ни относиться к Уго Чавесу, личности, мягко говоря, весьма противоречивой, невозможно отрицать, что полтора десятилетия его правления Венесуэлой значительно повысили международное внимание к Южной Америке.

Уго Рафаэль Чавес Фриас родился 28 июля 1954 года в семье школьных учителей в местечке Сабанета в штате Баринас. Будущий президент гордился своим происхождением, тем, что в его жилах течет индейская и негритянская кровь. В 1975 году Чавес окончил Военную академию в звании лейтенанта. Прослужив ряд лет в глубинке, возвратился в столицу, стал инструктором физкультуры в Академии.

В феврале 1992 года молодые офицеры под предводительством подполковника Чавеса попытались свергнуть легитимного главу государства. Мятеж провалился, инициаторы угодили за решетку. Выйдя из тюрьмы по милости нового президента, они перешли к парламентским формам борьбы за власть. Создали политическую организацию, а ее лидер Уго Чавес включился в гонку за высший пост и одержал победу на выборах 1998 года.

Придя к власти, он инициировал принятие новой конституции. Венесуэла стала именоваться Боливарианской Республикой, вместо двухпалатного парламента была создана однопалатная Национальная ассамблея, мандат президента увеличивался с 5 до 6 лет, он получал право переизбраться на второй срок непосредственно по завершении

предыдущего. В 2000 году состоялись еще одни выборы. Чавес вновь добился успеха, с этого момента стал исчисляться срок его полномочий. В 2006 году одержал очередную победу. Позднее со второго захода добился одобрения поправки, позволявшей главе государства баллотироваться неограниченное число раз. В итоге он находился у власти почти 15 лет.

После объявления о переходе к строительству «социализма XXI века», Чавес начал сооружение «вертикали власти», подмял под себя остальные ветви власти, превратив их в инстанции, штампующие декреты, спускаемые сверху. Специфика социально-экономического курса сводилась к усилению роли государства, национализации ключевых отраслей, ограничению сферы деятельности частного капитала. Вследствие некомпетентного управления экономикой народное хозяйство Венесуэлы оказалось в плачевном состоянии. Добыча нефти резко снизилась, многие предприятия не работают, морские порты плохо функционируют, существенно увеличился импорт продовольствия, инфляция оказалась самой высокой на континенте, преступность и насилие захлестнули города.

Впрочем, надо отдать должное Уго Чавесу. Он предпринял попытку решить проблему массовой бедности и сделал немало для ее преодоления. Именно беднейшие слои являлись его основным электоратом. Правда далеко не все согласны с тем, что повышение уровня жизни беднейших слоев населения является заслугой Чавеса. Причины этого явления хорошо известны: за исключением 2001 и 2009 годов, это были годы бума для стран-экспортеров сырья, таких как Бразилия, Аргентина, Перу, Чили и Венесуэла. Кроме того, в течение этих 15 лет большинство правительств ответственно управляли своими балансами: низкий или полностью отсутствующий бюджетный дефицит, низкая инфляция, целенаправленные программы борьбы с нищетой.

Это помогло многим странам региона снизить уровень социального неравенства, традиционный бич Латинской Америки. Одним из отличий для Венесуэлы является то, что Уго Чавес потратил более 1 триллиона долларов на те же цели - причем в стране с населением, равным одной шестой населения Бразилии или одной четверти населения Мексики. И хотя долгосрочная жизнеспособность и эффективность программ денежных трансфертов в Бразилии и Мексике вызывают серьезные сомнения, очевидно, что эти меры по борьбе с нищетой значительно лучше разработаны, нежели массированные поголовные дотации Чавеса

Кроме того, не стоит забывать разрушение венесуэльской промышленности, впечатляющий рост насилия, взрывной рост внешнего

долга и истощение валютных резервов, которые сопровождали «Боливарианский социализм 21 века» Чавеса. Если бы Уго Чавес не играл с цифрами, что свойственно демагогам и популистам, правдивые результаты его деятельности выглядели бы значительно хуже. Во внешней политике, опираясь на мощные энергетические ресурсы, Чавес, вдохновленный идеями Фиделя Кастро, в пике Соединенным Штатам под своей эгидой образовал на континенте блок - Боливарианскую альтернативу для Америк. В него вместе с Кубой и Венесуэлой вошли Никарагуа, Боливия, Эквадор и ряд мелких государств. Страны этой группы, сплотившиеся на базе воинственного антиамериканизма, внедряли венесуэльскую модель, подпитываемую дешевыми энергоресурсами.

Не менее напористо действовал Чавес в других регионах. Произошло тесное сближение с Китаем, Ираном, Россией. С этими странами наладились тесные стратегические отношения, особенно в военной сфере. Для любой страны после правления такого лидера как Уго Чавес наступает неизбежный тест на прочность политической системы – чаще всего система не выдерживает, и начинается новый этап политической истории. Степень цивилизованности государства в современном мире определяется процедурой передачи власти. Венесуэла относительно демократическая страна, там допускают до выборов кандидата от объединенной оппозиции, и этот кандидат имеет возможность выиграть выборы в крупных городах, как это произошло с соперником Чавеса на последних выборах Энрике Каприлесом. Но предположить, как будут развиваться события после досрочных выборов, не приведет ли смерть Чавеса к новой веренице военных переворотов в этой стране, невозможно.

Сегодня даже на латиноамериканском континенте, пережившем немало диктатур, пожизненное президентство становится дурным тоном и анахронизмом. Для любого политика умение вовремя и добровольно уйти со сцены - едва ли не большая доблесть, чем способность эффективно управлять страной. И с этой задачей команданте Чавес справиться не смог. Летом 2011 года, когда Чавес сам объявил о своем онкологическом заболевании, было понятно, что у него нет чисто физиологических шансов править весь очередной срок. В феврале 2012 года он перенес новую операцию, но в октябре того же года все равно пошел на президентские выборы, не захотев передать власть вице-президенту Николасу Мадуро. Хотя тот, возможно, выиграл бы выборы при прямой поддержке Чавеса. Но Чавес предпочел умереть президентом, предварительно продавив через парламент поправку, отменяющую ограничение на количество президентских сроков.

В заключение следует отметить, что как показывает исторический опыт, вождистские режимы подобные венесуэльскому редко переживают своих создателей, поэтому будущее «Боливарианского социализма 21 века» после ухода из жизни Уго Чавеса представляется весьма туманным.

СМИ ФРАНЦИИ О СМЕРТИ УГО ЧАВЕСА

5 марта 2013 от тяжелой болезни скончался знаменитый лидер Венесуэлы Уго Чавес. На это событие прореагировали ведущие мировые СМИ, в том числе – французские. Многие думали о том, что рано или поздно лидер Венесуэлы умрёт. Даже многие говорили, кто станет его приемником, и какого курса будет придерживаться правительство и парламент, после его смерти. Вот что пишет «Le Monde»:

Несколько глав государств, в том числе и Южно-Американских, отреагировали на объявление о смерти Уго Чавеса, во вторник, 5 марта. Куба объявила национальный трёхдневный траур в честь его главного политического и экономического союзника. Там лечили его рак незадолго до его смерти. Эквадор назвал смерть президента Венесуэлы «невосполнимой утратой» для Латинской Америки, в заявлении, опубликованном министерством иностранных дел в Кито. Социалистическое правительство президента Рафаэля Корреа, близкого союзника и друга венесуэльского лидера, выразило "глубокую скорбь" после его смерти, заявив, что он "лидер движения, которое останется в истории" и «памятной революции». "Это невосполнимая утрата, которую оплакивает весь венесуэльский народ и весь регион в целом", Президент Эквадора выразил "особую дружбу, которая объединяет с Венесуэлой", заявив, что действия г-на Чавеса продолжат "укреплять связи между двумя странами и ускорять Латиноамериканскую интеграцию"¹

Журналистка и писательница Беатрис Лекумберрри в свое время возглавляла бюро агентства “Франс Пресс” в Каракасе и была лично знакома с Чавесом. Вот что говорит она о политике интеграции в Латинской Америке:

Я считаю, что Чавес много сделал для процесса латиноамериканской интеграции. Но верю в то, что в дальнейшем латиноамериканские левые пойдут своим путем; совсем необязательно оглядываясь на Чавеса, как на лидера и предводителя. Скажем, есть среди левых такой политик как Дилма Русеф. Ее стиль правления вполне приемлемый и не столь вычурный. И подобного рода политических деятелей немало. Чавес сыграл роль политика объединившего страны Латинской Америки, что в свое время было необходимо. Но к счастью, регион прошел этот период развития и, так сказать, вырос. Мы должны при-

*знать заслуги Чавеса, объединившего Латинскую Америку, которая долгое время была расколотой*².

Судя по всему, странам Южной Америки придется, приложить немало усилий, чтобы к власти не пришла оппозиция, сторонников которой, в Венесуэле не мало. Ведь только на Кубу, во время власти Чавеса, ежедневно шло и пока идет около 300.000 баррелей нефти. Проблема в том, что Чавес создал режим, при котором “Бедный - хороший, богатый - плохой”. Вечные войны банд, и теперь не только в трущобах, куда полиция банально не заедет, риск быть избитым просто за то, что человек ездит на лучшей машине, чем большинство.

В целом, позиция глав Южноамериканских государств практически идентична. Но вот что пишет тот же Le Monde о том, что высказали представители США, Евросоюза:

*Президент США Барак Обама заявил, что Соединенные Штаты поддерживают венесуэльцев после смерти их лидера и надеется на "конструктивные отношения" с будущим правительством Венесуэлы в "новую главу" их истории. "В это трудное время смерти президента Уго Чавеса, Соединенные Штаты Америки вновь окажут свою поддержку Венесуэле и заинтересованность в развитии конструктивных отношений с правительством Венесуэлы", сказал Обама в заявлении*³.

Комментарии со стороны ЕС свелись к следующему:

*“ЕС с грустью узнал новость о кончине Президента Боливарианской Республики Венесуэла Уго Чавеса”, пишут Герман Ван Ромпей и Хозе Мануэл Баррозу в совместном заявлении. “Венесуэла отличается своей социальностью и ее вкладом в региональную интеграцию Южной Америки”, отметил президент Европейского Совета и президент Европейской комиссии. Они выразили желание “углубить в дальнейшем отношения между Каракасом и ЕС, направив свои “глубочайшие соболезнования и сочувствие к венесуэльцам”*⁴.

Заметно, что лидеры стран “первого эшелона”, вполне себе отдадут отчет, что сотрудничество с Каракасом будет им нужно. После смерти Чавеса у ЕС есть некие шансы обосноваться в Венесуэле, так как лидеры оппозиции уже набирают вес. Но случится это, по всей видимости, не скоро. Проблема в том, что народ любил своего лидера, который не гнушался ни критиковать публично лидеров запада, пропеть на трибуне, выступая перед ООН песню кубинского музыканта, призывающего к отказу от эгоизма, заявлять крушении цивилизации

на Марсе из-за капитализма. Он был по-настоящему народным человеком, но опять же, сверхидеологом.

На смерть Уго Чавеса прореагировал и Президент Франции Франсуа Олланд:

Чавес оказал "сильное влияние на историю своей страны", сказал Франсуа Олланд, в ночь со вторника на среду в своем заявлении, по поводу кончины лидера Венесуэлы. Французский президент дал свои "самые искренние соболезнования венесуэльскому народу". Уго Чавес "Выражал всей своей личностью и руководством волю к победе справедливости и желания развития страны так, что все разделяли ее". Франсуа Олланд заявил, что он "убежден, что Венесуэла сможет преодолеть это испытание демократично и мирно"⁵

Из слов Президента Олланда видно, что он высказался практически так же как все. Но дело в том, что кроме ЕС вообще, Франция пока что очень заинтересована в венесуэльской нефти. Хотя Олланд бросает пыль в глаза своей Экологической политикой, он прекрасно понимает, что скоро будет апогей кризиса, цены на нефть могут взлететь выше 111 д/бар, что составляет рекорд наблюдений. Франции, как ни крути, нужна нефть.

В целом, несмотря на соболезнования лидеров США и ЕС, они продолжат проводить политику способствования различного рода смены режима в Венесуэле. Огромные запасы нефти – главное богатство страны – всегда будут стоять в списке приоритетов на первых местах, в списке жажды власти. Смерть Чавеса открывает дорогу оппозиции и развязывает руки Мадуро, который клянётся продолжать курс своего предшественника. Но как будет на самом деле – покажет время.

¹ Le Monde, 6.03.13, (http://www.lemonde.fr/ameriques/article/2013/03/06/pour-l-equateur-la-mort-de-chavez-est-une-perte-irreparable-pour-l-amerique-latine_1843294_3222.html)

² Чавес объединил Латинскую Америку. – (<http://ru.euronews.com/2013/01/05/>)

³ Le Monde, 6.03.13, (http://www.lemonde.fr/ameriques/article/2013/03/06/pour-l-equateur-la-mort-de-chavez-est-une-perte-irreparable-pour-l-amerique-latine_1843294_3222.html)

⁴ Le Monde, 6.03.13, (http://www.lemonde.fr/ameriques/article/2013/03/06/pour-l-equateur-la-mort-de-chavez-est-une-perte-irreparable-pour-l-amerique-latine_1843294_3222.html)

⁵ Le Monde, 6.03.13, (http://www.lemonde.fr/ameriques/article/2013/03/06/pour-l-equateur-la-mort-de-chavez-est-une-perte-irreparable-pour-l-amerique-latine_1843294_3222.html)

КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПАДНЫЕ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Максим КИРЧАНОВ

КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Современные гуманитарные науки развиваются в условиях синтеза различных сфер знания. География играет особую роль в этом процессе. 1970 и 1980-е годы стали периодом возникновения и становления культурной географии. Географический поворот интеллектуального сообщества Запада содействовал появлению новых сфер гуманитарного знания. Категории «идентичность» и «воображение» играют особую роль в развитии современного гуманитарного знания.

Ключевые слова: гуманитарные исследования, география, культурная география, идентичность, воображение

Contemporary humanities develop in the domination of different spheres of knowledge synthesis. Geography plays special role in this process. The 1970s and 1980s became the period of genesis and development of cultural geography. The geographical turn of intellectual community in the West assisted to appearance of new spheres of humanitarian knowledge. The categories «identity» and «imagination» have special meaning for development of contemporary humanitarian knowledge.

Keywords: humanities, geography, cultural geography, identity, imagination

Развитие географии на Западе, в Соединенных Штатах и Канаде, на протяжении XX века развивалась в условиях, которые в корне отличались от реалий развития советской, а позднее и российской, географической науки. Если в рамках советской иерархии наук статус географии был определен относительно жестко, и она рассматривалась как наука естественная, то на Западе отношение к географии было не столь однозначным. В то время как советские географические исследования на протяжении длительного времени были ориентированы в первую очередь на решение конкретных задач, связанных сначала с индустриализацией, а позднее развитием топливно-энергетического комплекса, промышленным освоением новых территорий, американская география занималась решением не только прикладных задач.

Значительное внимание в современной североамериканской культурной географии уделяется вопросам методологии географии как

науки. Американский географ Ричард Райт¹ в конце 1990-х годов констатировал наличие тенденций к «повторному открытию» географии как научной дисциплины. По мнению Р. Райта, «географическое понимание» нуждалось в переосмыслении. Трансформации в географической науке Р. Райт связывал с утверждением постмодернистских интерпретаций и динамичным развитием «критической социальной теории», обязанной своим появлением структурализму². Влияние постмодерна на гуманитарные науки оказалось столь велико и универсально, что представители, казалось бы, негуманитарных наук или дисциплин со спорным статусом, заговорили о своей сфере деятельности в постмодернистском прочтении, что привело к появлению «постмодернистских географий»³. Ситуация постмодерна в географии привела к деконструкции пространства в его традиционном понимании и формировании особого направления деконструктивной географии⁴, которая не разрушает старые представления о мире, но в большей степени демонтирует их, предлагая новые изобретенные / воображенные / сконструированные восприятия и интерпретации⁵, лишённые строго внутреннего единства. Кроме этого американские географы указывали и на актуальность полевых исследований для географии⁶. Правда, акцент подобных констатаций в значительной степени изменился и был перенесен с изучения физической географии на анализ социальной и культурной географической специфики тех или иных регионов.

Истоки этих постмодернистских географий дискуссионны. Вероятно, особую роль в генезисе того, что условно можно определить как новую географию – культурная, социокультурная, воображаемая – сыграл тот мощный интеллектуальный подъем, который во второй половине 1970-х – 1980-е годы пережили гуманитарные науки Запада, что проявилось в ряде текстов Бенедикта Андерсона, Эрика Хобсбаума и Теренса Рэйнджера, Эрнеста Геллнера и Эдварда Саида. Все эти западные интеллектуалы, в большей или меньшей степени, работали в рамках «воображаемой» парадигмы. Генеалогия новой географии не ограничивается только этими фигурами и поэтому сами географы, сторонники новой радикальной эпистемологии, особое внимание уделяют проблемам истории географической науки. Некоторые американские географы⁷ склонны искать истоки востребованной теории детерриториализации в работах немецких авторов периода национал-социалистической диктатуры⁸, хотя между 1933 и 1945 годом в некоторые современные концепты вкладывалось качественно иное, ненаучное, содержание. Другие авторы⁹ не столь радикальны, стремясь

связать современные тенденции в развитии географии с американскими геоэкономическими интерпретациями начала XX века.

Утверждение принципов мультидисциплинарности в контексте незавершающегося и неумирающего постмодерна совпало, как полагает Кэй Андерсон¹⁰, с периодом *fin de siècle* – культурным феноменом грани эпох – чрезвычайно продуктивным временем для теоретических и методологических размышлений, в том числе – и в географии о пройденном пути. Среди важнейших признаний американских географов следует признать сближение географии и философии, в особенности – с феноменологией¹¹. По мнению Эдварда Кэйси¹², две науки сблизились потому, что в центре их внимания оказались сходные проблемы – пространство не как физическое явление, но пространство в контексте опыта тех или иных групп и сообществ. Сосредоточение на изучении групп и групповых географических представлений привело к появлению и антропологической географии¹³, сфокусированной на более детальном изучении пребывания человека как *homo geographicus* в пространстве, его влиянии на ландшафт. Подобное благоприятное стечение обстоятельств привело к росту и развитию культурно-географических исследований – «культурной географии»¹⁴ – канон которой был создан благодаря деятельности целого поколения американских географов¹⁵, в особенности – Вилбура Зеллински¹⁶ и, начиная с 1983 года, журнала «*Journal of Cultural Geography*»¹⁷.

В настоящее время культурная и связанная с ней социальная география принадлежат к числу наиболее динамично развивающихся и изменяющихся трендов в западной, преимущественно – североамериканской, географической науке. В американских, канадских и европейских университетах защищаются диссертации, которые могут быть отнесены к культурногеографическим. Тематика подобных культурно-географических диссертационных исследований характеризуется широтой и значительным разнообразием. В центре внимания нового поколения американских и европейских культурных географов – широкий круг проблем, в который органично вписываются теоретические проблемы современной географии¹⁸, концептуальные вопросы урбанизации и ее влияния на культурные пространства¹⁹, микрогеографические культурные исследования аграрной периферии Пакистана²⁰, различных регионов Европы²¹, урбанистической культурной географии Ближнего Востока²², сравнительный анализ культурных географий кельтских регионов Европы²³, проблемы взаимосвязи гендера, национальной идентичности мигрантов и воображаемых культурно-географических пространств²⁴.

Доминирование социального и культурного, а также растущее внимание к роли политического измерения в географии²⁵, в новом и качественно другом (про)чтении географического пространства привело к тому, что среда начинает восприниматься как вторичное²⁶, в значительной степени с подачи Б. Андерсона²⁷ как воображенное и воображаемое, явление. Восприятию географии как вторичного содействует и развитие массовой культуры, в частности – кино²⁸, которое активно втянуто в процесс формирования географических стереотипов. Ситуация постмодерна, в свою очередь, содействовала фрагментации исследовательского пространства и, поэтому, на смену некогда существовавшей единой «эссенциалистской» географии приходит несколько географий с «различными географическими эпистемологиями», сфокусированных не столько на изучении физического в пространстве, сколько социальных, культурных, экономических и интеллектуальных пространств. В подобной ситуации возникают и качественно новые условия для анализа политической составляющей географического пространства, что связано, например, с растущей популярностью энергетических сюжетов²⁹ – изучения географических, политических и экономических факторов в распределении ресурсов в современном мире. Именно поэтому старая, классическая эссенциалистская география постепенно уступила место новым формам эпистемологии³⁰ и научного познания – интерпретациям, основанным на неэссенциалистском понимании, как идентичности, так и пространства.

В подобной ситуации и пространства, и идентичности стали вторичными явлениями в контексте доминирующего и конструирующего их воображения. Если в той географии, которую условно можно определить как классическую географ имел дело с теми или иными физическими объектами пространства, имевшими четкую локализацию, то в рамках новой географии стали заметны тенденции к «дислокации»³¹, дрейфу объекта из физического пространства в сферу коллективных представлений о нем в рамках того или иного сообщества. В подобной ситуации исследования о воображаемой / воображенной географии³² оказались в рамках западного научного сообщества весьма востребованными. Кроме этого особую роль в анализе стали играть не географические методы, например – концептуализация отношений между пространством и протекающим в нем социальными, политическими и экономическими отношениями³³. Дислокация или *displacing*³⁴ в современной американской географии стала в значительной степени универсальным методом, который используется для изучения и интерпретации размывания связи объекта и пространства в условиях глобализации, культурной и расовой гибридизации. Явление дислока-

ции было связано с попытками интеллектуалов осмыслить не географическое, а культурное расположение стран современного мира.

Поэтому, анализируя эти проблемы, в центре внимания западного географического сообщества оказались проблемы центра и периферии, Востока и Запада, Севера и Юга как не географических, а преимущественно политически и культурно воображенных категорий. В подобной ситуации, в условиях нарастающей глобализации и размывания культурных границ³⁵, изменилось и предназначение географии, которая взяла на себя определенные функции социальных и гуманитарных наук, начав интерпретировать пространство не как физическое явление, но как совокупность культурных, социальных, экономических и политических процессов. На смену физической географии пришли другие географии, которые не вписываются в старую систему координат традиционной науки. Среди этих новых географий особое место занимают «географии строительства нации-государства» («Geographies of Nation-State Building»)³⁶, а сама география³⁷, помимо истории и политологии, заняла свое место среди наук, которые занимаются изучением национализма. Синтез культурной географии, имиджионалистской парадигмы и националистических штудий привел к появлению целого ряда оригинальных исследований³⁸. Особую роль в подобных междисциплинарных исследованиях играют работы, посвященные «изобретению»³⁹ традиций, наций или регионов в географическом контексте той или иной национальной истории.

Именно поэтому почти универсальным в новой географической науке стало объяснение и интерпретация, основанная на парадигме воображения⁴⁰ – всеобщего процесса создания коллективных впечатлений о пространстве интеллектуалами, которые формировали / предлагали идентичности тем или иным сообществам. Кроме этого американскими географами подчеркивается актуальность «создание теоретической парадигмы»⁴¹, которая позволяла бы интерпретировать специфику отношений между воображаемым и тем реальным пространством, в котором оно (воображаемое) функционирует. Географическое воображение⁴² как одна из парадигм новой географической науки привела и к трансформации такого явления как картирование. Объектами картирования оказались не объекты физической, но культурной и социальной географии. Кроме этого картированию могут быть подвергнуты разного рода культурные предпочтения⁴³, региональные кухни и связанные с ними традиции потребления.

Кроме этого в рамках ментального картирования изучаются социальные явления, в частности – массовые протестные движения. В качестве примера картирования социального американский географ Пол

Воттс⁴⁴ приводит волнения 1992 года в Лос-Анджелесе⁴⁵. Геовизуализация⁴⁶ протеста, по мнению американских культурных географов⁴⁷, в значительной степени повлияла если не на культурную географию, города на его образ в рамках «большой» и не менее воображаемой географии США в целом. В практики картирования интегрируется и изучение того, каким образом интеллектуалами локализовались / вообразались тексты и образы⁴⁸, что придает подобным исследованием безусловно междисциплинарный характер, содействуя размыванию границ географии как науки в ее узком, консервативном понимании. В рамках современной культурной географии картированию в одинаковой степени подвержены и подвластны нации, войны, конфликты, традиции и культуры потребления⁴⁹.

Особое место в современной культурной географии занимают сюжеты, связанные с изучением национализмов и идентичностей. По мнению зарубежных географов, особую роль в развитии идентичности играли путешествия⁵⁰, которые вместе с тем, содействовали развитию географического воображения, расширяя представления европейцев о мире. Анализ подобной активности европейцев, в первую очередь – британцев, которые занимались изучение территорий Британской Империи привел к выделению особого междисциплинарного направления в развитии современной культурной географии – имперской или колониальной географии⁵¹. Рост индивидуальной мобильности западного человека в результате многочисленных совершаемых им миграций и путешествий⁵² привел не только к появлению такого явления как «мир без границ», но и возникновению понятия Родины как идеального Отечества⁵³, четко локализуемого в пространстве. Формальный отказ от границ как универсального принципа, который использовался для конструирования представлений о пространстве, изменил отношение человека к географии, которая перестала восприниматься как некая неизменяемая данность, но стала рассматриваться в качестве подвижной и воображаемой конструкции. Путешествия в западном мире содействовали актуализации «политики принадлежности», осознания своей связи с тем или иным сообществом. Растущая склонность к путешествиям стимулировала развитие национализмов, содействуя восприятию тех или иных частей пространства как своих или чужих. В этом контексте рост географических знаний, как побочное следствие путешествий, привел и к появлению концептов Инаковости. В результате развития практики путешествий мир оказался сконструированным по национальному признаку, то есть миром, разделенным в воображении на отдельные национальные государства.

В подобной ситуации изменилась и тематика конкретных географических исследований, большинство которых оказались сосредоточены на проблемах, не воспринимавшихся до 1970-х годов как географические. Этими новыми темами и одновременно ориентирами развития для американской географической науки стали вопросы литературных истоков, текстуального генезиса современных массовых представлений, в том числе – и о пространстве, призванном институционализировать новые политические ценности равенства и свободы, т.е. новой американской идентичности⁵⁴. Кроме этого в центре культурной географии – проблемы ограниченности, взаимных представлений, гендерные и расовые вопросы, вопросы национального строительства, сексуальности и идентичности, условно «чистых» и гибридных⁵⁵ культур, влияние технологического фактора на изменение не только ландшафта, но и связанных с ним культурных предпочтений в тех или иных регионах. В рамках новых интерпретаций, предложенных культурной географией, ландшафт перестал восприниматься как исключительно физическая категория⁵⁶, позиционируясь как результат сознательной трансформации, процесса «landscaping», воображения пространства теми или иными сообществами для себя, в соответствии с их собственными интересами.

Кроме этого чрезвычайно актуальным оказалось изучение существующих в современном мире «дуализмов» – центра и периферии, урбанистического и рурального⁵⁷, развитого и неразвитого миров⁵⁸. Наряду с этими сюжетами в число, изучаемых в рамках новой географии, проблем попали вопросы в большей степени политологического плана, связанные с глобализацией, распределением ролей в мировой экономике, появлением новых лидеров роста в современном мире⁵⁹. Для изучения этой проблематики был востребован и качественно иной методологический инструментарий: географы оказались вынужденными изучать не только пространство в его физическом измерении, но и обратиться к методам контент-анализа, риторической деконструкции, этнографии и даже начать работать с нарративными источниками, в том числе – с архивными документами и литературными текстами.

Облик современного научного сообщества американских и канадских географов определяют и формируют те интеллектуалы, которые занимаются вопросами именно гуманитарной, воображаемой, культурной географии. Современная западная, преимущественно – североамериканская, культурная география в российских гуманитарных науках продолжает оставаться почти неизвестной и относится к практически неизученным темам. Неизвестной остаются и достижения западных

культурных географов в сфере изучения Южной Америке. Поэтому, специализированная тематическая рубрика настоящего выпуска «Политических изменений в Латинской Америке» будет посвящена проблемам культурной географии в контексте изучения Южной Америке. Именно эта проблематика пребывает в центре авторского внимания в статье, продолжающий данный выпуск нашего периодического издания.

¹ Wright R. *Some Reflections on Relevance in Rediscovering Geography* / R. Wright // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1999. – Vol. 89. – No 1. – P. 155 – 157.

² Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration* / A. Giddens. – Cambridge, 1984.

³ Soja E. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory* / E. Soja. – NY., 1989.

⁴ Agnew J.A. *Space: place // Spaces of geographical thought: deconstructing human geography's binaries* / eds. P. Cloke and R.J. Johnston. – Thousand Oaks, 2005. – P. 81 – 96.

⁵ *Inventing places: studies in cultural geography* / eds. K. Anderson, F. Gale. – Melbourne, 1992.

⁶ Mathewson K. *Geographers and the theory and practice of return fieldwork* / K. Mathewson // *Journal of Cultural Geography*. – 2010. – Vol. 27. – No 3. – P. 353 – 365.

⁷ Barnes T.J., Minca C. *Nazi Spatial Theory: The Dark Geographies of Carl Schmitt and Walter Christaller* / T.J. Barnes, C. Minca // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2012. – Vol. 102. – No 1. – P. 1 – 19.

⁸ Bassin M. *Race contra space: The conflict between German Geopolitik and National Socialism* / M. Bassin // *Political Geography Quarterly*. – 1987. – Vol. 6. – P. 115 – 134.

⁹ Domosh M. *Geoeconomic Imaginations and Economic Geography in the Early Twentieth Century* / M. Domosh // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2012. – Vol. 102. – No 1.

¹⁰ Anderson K. *Thinking "Postnationally": Dialogue across Multicultural, Indigenous, and Settler Spaces* / K. Anderson // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2000. – Vol. 90. – No 2. – P. 381 – 391.

¹¹ Pickles J. *Phenomenology, science, and geography: Spatiality and the human sciences* / J. Pickles. – Cambridge, 1985.

¹² Casey E.S. *Between Geography and Philosophy: What Does It Mean to Be in the Place-World?* / E.S. Casey // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2001. – Vol. 91. – No 4. – P. 683 – 693.

¹³ Sack R.D. *Homo geographicus: A framework for action, awareness, and moral concern* / R.D. Sack. – Baltimore, 1997.

¹⁴ Blaut J.M. *A radical critique of cultural geography* / J.M. Blaut // *Antipode*. – 1980. – No 12. – P. 25 – 30; Greiner A.L. *A history of geography at Oklahoma State University* / A.L. Greiner // *Southwestern Geographer*. – 2003. – No 7. – P. 77 – 112; Jackson P. *A plea for cultural geography* / P. Jackson // *Area*. – 1980. – Vol. 12. – No 2. – P. 110 – 113; Monk J., Hanson S. *On not excluding half of the human in human geography* / J. Monk, S. Hanson // *Professional Geographer*. – 1982. – Vol. 34. – No 1. – P. 11 – 23; Price M., Lewis M. *The reinvention of cultural geography* / M. Price, M. Lewis // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1993. – Vol. 83. – No 1. – P. 1 – 17.

¹⁵ Gade D.W. *Cultural geography and the inner dimensions of the quest for knowledge* / D.W. Gade // *Journal of Cultural Geography*. – 2012. – Vol. 29. – No 3. – P. 337 – 358.

¹⁶ *Not Yet A Placeless Land: Tracking an Evolving American Geography* / ed. W. Zelinsky. – Amherst, 2011

¹⁷ *Understanding Cultural Geography: Places and Traces* / ed. Jon Anderson. – NY., 2010.

¹⁸ Clua A. *The Notion of Space in the Definition of Contexts of Media Reception. An Approach from the Critical Perspectives of Cultural Studies and Cultural Geography*. PhD Dissertation Completed at Department of Journalism and Communication Sciences, Universitat Autònoma de Barcelona, October 2001.

¹⁹ Callard F. *Forms of Agoraphobia: Accounts of Anxiety, Space, and the Urban Dweller from the 1870s to the 1990s*. PhD Dissertation. Completed at Department of Geography and Environmental Engineering, Johns Hopkins University, Baltimore, Maryland, October 2001.

²⁰ Besio K. *Spatial Stories of Researchers and Travellers in a Balti Village, Pakistan: jangli Geographies of Gender and Transculturation*. PhD Dissertation Completed at Department of Geography, University of Hawaii at Manoa, December 2001.

²¹ Levy S. *Wheelchair Users and Housing in Dundee: The Social Construction and Spatiality of Disability*. PhD Dissertation Completed at School of Geography and Geosciences, University of St Andrews, September 2001.

²² Boudisseau G. *Commercial Areas, Urban Centralities, Actor Strategies in Beirut: Two Examples: Hamra and Verdun*. PhD Dissertation. Completed at Tours University and UMR 6592 URBAMA, Tours, October 2001.

²³ Moore N. *The Celtic Tiger and the Welsh Dragon: Urban Redevelopment in Dublin Docklands and*

Cardiff Bay, 1987-2000. PhD Dissertation. Completed at Department of Geography, University College Dublin, June 2001.

²⁴ Divya Praful Tolia-Kelly, *Iconographies of Diaspora: Refracted Landscapes and Textures of Memory of South Asian Women in London*. PhD Thesis. Completed at Department of Geography, University of London, September 2001.

²⁵ Bouzarovski St., Bassin M. *Energy and Identity: Imagining Russia as a Hydrocarbon Superpower* / St. Bouzarovski, M. Bassin // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2011. – Vol. 101. – No 4. – P. 783–794.

²⁶ Cohen P. *Geography Redux: Where You Live Is What You Are* / P. Cohen // *New York Times*. – 1998. – March 21

²⁷ Anderson B. *Imagined Communities* / B. Anderson. – L. – NY., 1983.

²⁸ *Cinema and Landscape: Film, Nation and Cultural Geography* / eds. Gr. Harper, J. Rayner. – Chicago, 2010

²⁹ Bradshaw M. *The geopolitics of energy security* / M. Bradshaw // *Geography Compass*. – 2009. – Vol. 3. – P. 1920–1937; Byrne J., Toly N. *Energy as a social project: Recovering a discourse* / J. Byrne, N. Toly // *Transforming power: Energy, environment, and society in conflict* / eds. J. Byrne, N. Toly, L. Glover. – New Brunswick, 2006. – P. 1–34.

³⁰ Braun B. *Buried Epistemologies: The Politics of Nature in (Post)Colonial British Columbia* / B. Braun // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1997. – Vol. 87. – No 3–31.

³¹ Barnes T. *Logics of Dislocation: Models, Metaphors, and Meanings of Economic Space* / T. Barnes. – NY., 1996.

³² Schwartz J. *The geography lesson: Photographs and the construction of imaginative geographies* / J. Schwartz // *Journal of Historical Geography*. – 1996. – Vol. 22. – No 1. – P. 16–45; Schulten S. *The geographical imagination in America, 1880–1950* / S. Schulten. – Chicago, 2001.

³³ Bouzarovski St., Bassin M. *Energy and Identity*. – P. 785.

³⁴ *Displacing Whiteness: Essays in Social and Cultural Criticism* / ed. R. Frankenburg. – Durham, 1997.

³⁵ Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalisation* / A. Appadurai. – Minneapolis, 1996.

³⁶ Anderson K. *Thinking "Postnationally"*. – P. 386.

³⁷ *Geography and National Identity* / ed. David Hooson. – Oxford, 1994.

³⁸ Bassin M. *Imperial visions: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East 1840–1865* / M. Bassin. – Cambridge, 1999.

³⁹ Conforti J.A. *Inventing New England: explorations of regional identity from the Pilgrims to the mid-twentieth century* / J.A. Conforti. – Chapel Hill, 2000.

⁴⁰ Gregory D. *Geographical Imaginations* / D. Gregory. – Cambridge, 1994; Harvey D. *Geographical Knowledge in the Eye of Power: Reflections on Derek Gregory's Geographical Imaginations* / D. Harvey // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1995. – Vol. 85. – P. 160–164.

⁴¹ Bouzarovski St., Bassin M. *Energy and Identity*. – P. 791.

⁴² Gade D.W. *Curiosity, inquiry, and the geographical imagination* / D.W. Gade. – NY., 2011.

⁴³ Antoninetti M. *The long journey of Italian grappa: from quintessential element to local moonshine to national sunshine* / M. Antoninetti // *Journal of Cultural Geography*. – 2011. – Vol. 28. – No 3. – P. 375–397.

⁴⁴ Watts P.R. *Mapping narratives: the 1992 Los Angeles riots as a case study for narrative-based geovisualization* / P.R. Watts // *Journal of Cultural Geography*. – 2010. – Vol. 27. – No 2. – P. 203–227.

⁴⁵ *The Los Angeles riots: lessons for the urban future* / ed. M. Baldassare. – Boulder, 1994; Bergesen A., Herman M. *Immigration, race, and riot: the 1992 Los Angeles uprising* / A. Bergesen, M. Herman // *American Sociological Review*. – 1998. – Vol. 63. – No 1. – P. 39–54.

⁴⁶ Elwood S. *Geographic Information Science: new geovisualization technologies – emerging questions and linkages with GIScience research* / S. Elwood // *Progress in Human Geography*. – 2009. – Vol. 33. – No 2. – P. 256–263.

⁴⁷ Adams J.S. *The geography of riots and civil disorders in the 1960s* / J.S. Adams // *Economic Geography*. – 1972. – Vol. 48. – No 1. – P. 24–42.

⁴⁸ Godlewska A. *Map, text and image: The mentality of enlightened conquerors: A new look at the "Description de l'Égypte"* / A. Godlewska // *Transactions of the Institute of British Geographers*. – 1995. – Vol. 20. – P. 5–28.

⁴⁹ *Mapping the Nation* / ed. Gopal Balakrishnan. – L., 1996; Rundstrom R. *Mapping, Postmodernism, Indigenous People and the Changing Direction of North American Cartography* / R. Rundstrom // *Cartographica*. – 1991. – Vol. 28. – No 2. – P. 1–12; Shapiro M. *Violent Cartographies: Mapping Cultures of War* / M. Shapiro. – Minneapolis, 1997.

⁵⁰ Skey M. *"Thank god, I'm back!": (Re)defining the nation as a homely place in relation to journeys abroad* / M. Skey // *Journal of Cultural Geography*. – 2011. – Vol. 28. – No 2. – P. 233–252.

⁵¹ Clayton D. *Critical imperial and colonial geographies* / D. Clayton // *Handbook of cultural geography* / eds. K. Anderson, M. Domosh, S. Pile, and N. Thrift. – Thousand Oaks, 2003. – P. 354–368.

⁵² Ahmed S. *Home and away: narratives of migration and estrangement* / S. Ahmed //

International Journal of Cultural Studies. – 1999. – Vol. 2. – No 3. – P. 329–347;

Allen S. *Finding home: challenges faced by geographically mobile families* / S. Allen // *Family Relations*. – 2008. – Vol. 57. – No 1. – P. 84–99.

⁵³ Blunt A. *Cultural geography: cultural geographies of home* / A. Blunt // *Progress in Human Geography*. – 2005. – Vol. 29. – No 4. – P. 505–515; Mallet S. *Understanding home: a critical review of the literature* / S. Mallet // *Sociological Review*. – 2004. – Vol. 52. – No 1. – P. 62–89.

-
- ⁵⁴ Mason P.A. *The romance of the Inland Isle: Tocqueville's Democracy in America and the landscape of Providence* / P.A. Mason // *Journal of Cultural Geography*. – 2012. – Vol. 29. – No 3. – P. 247–266.
- ⁵⁵ Young R. *Hybridity in culture, theory and race* / R. Young. – L. – NY., 1995.
- ⁵⁶ Bass J. *Message in the plaza: landscape, landscaping, and forest discourse in Honduras* / J. Bass // *Geographical Review*. – 2005. – Vol. 95. – No 4. – P. 556–577.
- ⁵⁷ Olds K. *Globalisation and Urban Change: Capital, Culture and Pacific Rim Mega-Projects* / K. Olds. – Oxford, 1999.
- ⁵⁸ Anderson K. *Thinking "Postnationally"*. – P. 388.
- ⁵⁹ Carmody P.R., Owusu F.Y. *Competing hegemony? Chinese versus American geo-economic strategies in Africa* / P.R. Carmody, F.Y. Owusu // *Political Geography*. – 2007. – Vol. 26. – P. 504–524.

КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННЫХ БРАЗИЛЬСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Современные гуманитарные науки развиваются в условиях синтеза различных сфер знания. География играет особую роль в этом процессе. 1970 и 1980-е годы стали периодом возникновения и становления культурной географии. Географический поворот интеллектуального сообщества Запада содействовал появлению новых сфер гуманитарного знания. Культурная география играет особую роль в бразильских исследованиях. Западные культурные географы анализируют проблемы трансформации воображаемого географического и культурного пространства Бразилии. Особое внимание уделяется проблемам культурных и географических границ. Категории «идентичность» и «воображение» играют особую роль в развитии современного гуманитарного знания.

Ключевые слова: Бразилия, гуманитарные исследования, бразильские исследования, география, культурная география, идентичность, воображение

Contemporary humanities develop in the domination of different spheres of knowledge synthesis. Geography plays special role in this process. The 1970s and 1980s became the period of genesis and development of cultural geography. The geographical turn of intellectual community in the West assisted to appearance of new spheres of humanitarian knowledge. Cultural geography is important factor for Brazilian studies development. Western cultural geographers analyze the problems of transformation of imagined geographical and cultural space and landscape of Brazil. The special attention is spared to the problems of cultural and geographical scopes.

The categories «identity» and «imagination» have special meaning for development of contemporary humanitarian knowledge.

Keywords: Brazil, humanities, Brazilian Studies, geography, cultural geography, identity, imagination

Значительное внимание американскими географами уделяется проблемам культурной географии Латинской Америки, которая, как правило, рассматривается в качестве гетерогенной, сочетающей элементы архаики и современности¹.

Рассматривая бразильскую проблематику, американские географы² особое внимание уделяют фактору нестабильности, подвижности, эластичности культурной географии Бразилии как страны где одновременно сосуществуют и софункционируют различные географии и, как следствие, связанные, точнее – стоящие за ними, культурные идентичности. Среди наиболее важных проявлений подобных географических трансформаций – сочетание как урбанистических, так и руральных тенденций в развитии Бразилии, что в некоторой степени содействует фрагментации ее воображаемого географического пространства. Кроме этого некоторыми американскими географами³ вни-

мание акцентируется на формировании новых «географий Амазонки» – преимущественно воображаемых, основанных на попытках «изобретения» некой уникальной «амазонской» нации. Отличительной чертой этой новой предлагаемой идентичности и стоящей за ней географии, является особое внимание со стороны ее форматоров к экологическим проблемам, вопросам исчезновения амазонских лесов. В подобной ситуации новые воображаемые географии перестают быть исключительно географическим явлением, но обретают политическое измерение.

Сосуществование столь противоположных тенденций развития проявляется в изменении культурной географии, которая трансформируется под влиянием трансформации характера хозяйства многих экономических акторов⁴, которое перестает носить натуральный характер и постепенно втягивается в рыночные отношения. Изменение «социо-культурной динамики идентичности локальных сообществ» находит свое непосредственное отражение в трансформации ландшафта, что связано с растущей урбанизацией и кризисом руральных сообществ. Развитие рынка существенным образом изменяет культурную географию региона, содействуя кризису и вытеснению традиционных идентичностей. Особую роль в формировании идентичности бразильцев играет пространство, которое в отдельных регионах (например, в Амазонии⁵) содействует формированию особых инваерменталистских идентичностей, в одинаковой степени связанных как с социальными движениями, так и политической экологией.

Особое место в культурно-географических исследованиях американских авторов, посвященных Бразилии, занимают работы, связанные с проблемами трансграничности амазонской географии⁶, сосуществованию различных бразильских и перуанских версий воображаемой / воображенной географии Амазонки. Кроме этого особое внимание американскими географами уделяется процессам урбанизации⁷. В целом, города – это важный фактор в формировании и развитии воображаемой географии. Кроме этого в рамках американской культурной географии⁸ уже сложились определенные традиции, связанные с изучением латиноамериканских городов и региональной версии урбанизма. Именно с городом, как правило, связывается некое «чувство места»⁹ – воображаемой принадлежности к тому или иному воображенному сообществу. Бразилия имеет репутацию одной из наиболее динамично развивающихся стран в Южной Америки. Именно поэтому, анализируя подобные трансформации американские географы¹⁰ указывают на то, что они содействуют значительным изменениям в пространстве / ландшафте Бразилии, география которой во все большей

степени обретает качества подвижности / эластичности / трансформируемости. В подобной ситуации, по мнению американских географов, для изучения Бразилии применима теория фронта, хотя ранее имели место применить подобные теоретические подходы для изучения американо-мексиканской границы¹¹ и прилегающей к ней уникальной в культурном плане зоны¹², которая также воспринимается как в значительной степени фронт, но несколько иного уровня, например – фронт потребления. Бразильские города, в особенности – новые, возникшие как следствие бурного процесса урбанизации и «городского бума» последних десятилетий, рассматриваются как качественно новый вид фронта, который одновременно представляет собой «полный фронт» (фронт пока лишенный собственной уникальной пространственно-географической идентичности), «развивающийся фронт» (эластичное, постоянно изменяющееся и воображаемое его обитателями пространство) и «пост-фронт» – некое новое переходное состояние, переходный этап в существовании активно осваиваемого и наносимого на ментальные карты пространства.

Анализируя проблемы культурной географии Бразилии, американские авторы¹³ указывают на значительную степень мифологизации этого региона в сознании большинства американцев, которые ассоциируют крупнейшую страну Южной Америки почти исключительно с Амазонией¹⁴. С другой стороны, в «ментальном пространстве тех, кто незнаком с регионом» доминируют представления об Амазонии, которые имеют мало общего с реальностью. Поэтому, Амазония – «конструкт», который существует в сознании носителей западной культуры, хотя регион характеризуется местными сложными идентичностями¹⁵.

Географические изменения в регионе Амазонки самым тесным образом связаны с экологией, что ставит перед американскими географами задачи и в области культурной экологии¹⁶, изучении новых географий региона в контексте процесса глобализации, а также появления и последующего развития новых идентичностей¹⁷. Рассматривая проблемы региона, американские авторы указывают на значительные перемены, которые имели место в его культурной географии в последние десятилетия. Эти изменения в наибольшей степени проявились в постепенном размывании и разрушении традиционных культур, их гибридизации и формировании новых идентичностей.

В развитии американской и канадской географической науки особое развитие получили направления, связанные с теоретической географией, теорией и методологией географических исследований. В 1970-е годы в развитии американской географии возникли новые тен-

денции, вызванные растущим междисциплинарным диалогом и углубляющимися связями между различными общественными и гуманитарными науками. 1970-е годы были отмечены постепенным дрейфом географии, особенно – теоретической, в сторону гуманитарного знания. Бурное развитие постколониального анализа и национализм-ведческих исследований, связанное с работами Э.В. Саида и Б. Андерсона, еще в большей степени простимулировало актуализацию именно гуманитарных тенденций в развитии географии. В условиях междисциплинарного синтеза наиболее динамично развивающимися областями географической науки становятся социо-культурная география, а одними из центральных элементов научного анализа – категории воображения и воображаемого.

¹ Doolittle W.E. *México: from the 19th to the 21st century in three decades* / W.E. Doolittle // *Journal of Cultural Geography*. – 2010. – Vol. 27. – No 3. – P. 317 – 329.

² Vadjunec J.M., Schmink M., Gomes C.V.A. *Rubber tapper citizens: emerging places, policies, and shifting rural and urban identities in Acre, Brazil* / J.M. Vadjunec, M. Schmink, C.V.A. Gomes // *Journal of Cultural Geography*. – 2011. – Vol. 28. – No 1. – P. 73 – 98.

³ Hecht S.B. *The new Amazon geographies: insurgent citizenship, "Amazon Nation" and the politics of environmentalisms* / S.B. Hecht // *Journal of Cultural Geography*. – 2011. – Vol. 28. – No 1. – P. 203 – 223.

⁴ Minzenberg E., Wallace R. *Amazonian agriculturalists bound by subsistence hunting* / E. Minzenberg, R. Wallace // *Journal of Cultural Geography*. – 2011. – Vol. 28. – No 1. – P. 99 – 121.

⁵ Pieck S.K. *Beyond postdevelopment: civic responses to regional integration in the Amazon* / S.K. Pieck // *Journal of Cultural Geography*. – 2011. – Vol. 28. – No 1. – P. 179 – 202.

⁶ Salisbury D.S., Borgo López J., Vela Alvarado J.W. *Transboundary political ecology in Amazonia: history, culture, and conflicts of the borderland Asháninka* / D.S. Salisbury, J. Borgo López, J.W. Vela Alvarado // *Journal of Cultural Geography*. – 2011. – Vol. 28. – No 1. – P. 147 – 177.

⁷ Browder J., Godfrey B. *Rainforest cities: urbanization, development, and globalization of the Brazilian Amazon* / J. Browder, B. Godfrey. – NY., 1997.

⁸ *Cultures of the City: Mediating Identities in Urban Latin/o America* / eds. R. Young, A. Holmes. – Pittsburgh, 2010.

⁹ Ashworth G.J., Graham B. *Senses of place: senses of time* / G.J. Ashworth, B. Graham. – Aldershot, 2005.

¹⁰ Thypin-Bermeo S., Godfrey Br.J. *Envisioning Amazonian frontiers: place-making in a Brazilian boomtown* / S. Thypin-Bermeo, Br.J. Godfrey // *Journal of Cultural Geography*. – 2012. – Vol. 29. – No 2. – P. 215 – 238.

¹¹ Arreola D.D. *The Mexico-US borderlands through two decades* / D.D. Arreola // *Journal of Cultural Geography*. – 2010. – Vol. 27. – No 3. – P. 331 – 351.

¹² Arreola D.D., Curtis, J.R. *Cultural landscapes of the Mexican border cities. Aztla'n* / D.D. Areola, J.R. Curtis // *A Journal of Chicano Studies*. – 1996. – Vol. 21. – No 1 – 2. – P. 1 – 47; Arreola D.D., Curtis, J.R. *The Mexican border cities: landscape anatomy and place personality* / D.D. Areola, J.R. Curtis. – Tucson, 1993.

¹³ Vadjunec J.M., Schmink M., Greiner A.L. *New Amazonian geographies: emerging identities and landscapes* / J.M. Vadjunec, M. Schmink, A.L. Greiner // *Journal of Cultural Geography*. – 2011. – Vol. 28. – No 1. – P. 1 – 20.

¹⁴ Conklin B.A., Graham L.R. *The shifting middle ground: Amazonian Indians and eco-politics* / B.A. Conklin, L.R. Graham // *American Anthropologist*. – 1995. – Vol. 24. – No 4. – P. 711 – 737; Cunha M.C., Almeida M.W.B. *Indigenous people, traditional people and conservation in the Amazon* / M.C. Cunha, M.W.B. Almeida // *Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. – 2000. – Vol. 129. – No 2. – P. 315 – 338.

¹⁵ Bolaños O. *Redefining identities, redefining landscapes: indigenous identity and land rights struggles in the Brazilian Amazon* / O. Bolaños // *Journal of Cultural Geography*. – 2011. – Vol. 28. – No 1. – P. 45 – 72.

¹⁶ Zimmerer K. *Cultural ecology: at the interface with political ecology: the new geographies of environmental conservation and globalization* / K. Zimmerer // *Progress in Human Geography*. – 2006. – Vol. 30. – No 1. – P. 63 – 78.

¹⁷ Porro N., Veiga I., Mota D. *Traditional communities in the Brazilian Amazon and the emergence of new political identities: the struggle of the quebradeiras de coco babaçu – babassu breaker women* / N. Porro, I. Veiga, D. Mota // *Journal of Cultural Geography*. – 2011. – Vol. 28. – No 1. – P. 123 – 146.

ПЕРЕВОДЫ

Энрике *ДУССЕЛЬ ПЕТЕРС*

ПАДЕНИЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ*

В 1990-х годах страны Латинской Америки получили всеобщее одобрение и поддержку по той причине, что наконец-то избавились от военных режимов, которые омрачали историю континента. К сожалению, диктатуру генералов сменила диктатура макроэкономической стабилизации. Эта диктатура сегодня находится на пути к краху...

После экономического кризиса в Аргентине и снижения темпов экономического роста во всем регионе значительно обострились дебаты относительно экономической политики... В начале 1980-х годов большинство стран региона испытывали серьезные экономические трудности (инфляцию, выразившуюся в трехзначных цифрах, огромные дефициты и отрицательные темпы роста) после десятилетий макроэкономической политики, направленной на замещение импорта. Тогда группа латиноамериканских экономистов, получивших образование в американских университетах, выдвинули качественно иную стратегию развития.

Они утверждали, что интеграция в мировые рынки требует макроэкономической стабилизации. Страны Латинской Америки переориентировались на производство экспортной продукции. Предполагалось, что макроэкономическая политика должна победить инфляцию и сократить фискальный дефицит, а частные иностранные инвестиции должны были стать основным источником капитала...

... перед лицом экономической ситуации, порожденной этим видением, последнее подвергается резкой критике за необдуманность и недальновидность... его сторонники и приверженцы не учли основных традиционных макроэкономических переменных, как спрос, производство, инвестиции, потребление, уровень занятости, размер заработных плат и распределение доходов... все эти элементы, которыми пренебрегли латиноамериканские экономисты, представлены в не-

* Печатаемая по: Dussel Peters E. *Latin America's Failed Macroeconomic Dictatorships* / E. Dussel Peters. – (<http://www.project-syndicate.org/commentary/dussel1/English>). Перевод с английского языка М.В. Кирчанова.

оклассической экономической теории, по крайней мере, с 1960-х годов... тот факт, что им отводится такая роль, не лишен серьезных оснований.

Каковы же последствия отведения макроэкономике главной роли в странах Латинской Америки? Экономическая комиссия по странам Латинской Америки и Карибского бассейна провела сравнение экономического положения в этих государствах в период с 1945-го по 1980-й и с 1990-го по 2000-й годы. Среди наиболее важных результатов этого исследования следующие: 1) в среднем, годовой рост инфляции в 1945 – 1980 годах составлял 20%, в 1980-х годах – 400%, и 170% в 1990-х годах; 2) экспорт вырос в четыре раза с 1990 по 2000 год по сравнению с периодом с 1945 по 1980 годы, на столько же увеличился импорт; 3) с 1990 по 2000 год экономический рост наблюдался только в Аргентине и Чили, к 2003 году в этой категории осталась только Чили (что касается валового внутреннего продукта на душу населения, среднегодовой темп роста, составлявший 3.1% в период с 1945 по 1980 годы, сократился до 1.6% в 1990 - 2000 годах); 4) ухудшения обнаружились в системе распределения доходов (в то время как в 1945 – 1980 годах за чертой бедности находилось 35 % всех семей, в 1990 – 2000 годах доля таких семей выросла и составила до 38%).

...на протяжении многих лет не удалось улучшить систему распределения доходов или обеспечить увеличение числа рабочих места, потока инвестиций и размеров заработной платы до реального прожиточного уровня, диктатура макроэкономии... сохраняет свои позиции. Правительства стран Латинской Америки упорно продолжают отдавать предпочтение фискальной дисциплине и контролю над инфляцией, надеясь привлечь иностранные инвестиции.

Мексика – это пример такой ошибочной политики. С 2001 по 2003 год ВВП Мексики сокращался в среднем на 0.7 % в год, закрылись 933 фабрики «*maquila*», принадлежавшие иностранным предпринимателям (27% всех *maquila* в стране), приведя к ликвидации более 290 тысяч рабочих мест. Число рабочих мест в обрабатывающей промышленности сократилось на 660 тысяч или 15 % от их общего количества.

Направление основных макроэкономических усилий на контроль инфляции и фискального дефицита – это, с одной стороны, игнорирование реального обменного курса песо, завышенного на 30 %, и отсутствие, с другой, банковских займов для производственного сектора. В 2003 году коммерческие банки профинансировали только 22 % от количества фирм, получивших поддержку в середине 1990-х годов. Таким образом, производственный сектор приносится в жертву ради

контроля над инфляцией и фискальным дефицитом. Следование подобным макроэкономическим целям было среди причин экономических проблем Аргентины.

Поэтому в Латинской Америке имеет место опасная поляризация. Крупные национальные и иностранные корпорации, которые производят экспортную продукцию, и иностранные инвесторы оказываются в привилегированном положении за счет производственного сектора и заработной платы местных рабочих. Диктатура макроэкономики не склонна ни идти на уступки, ни учиться на ошибках. Это можно объяснить манихейской двойственностью доминирующей идеологии, которая верит в необходимость выбора между макроэкономической стабильностью и хаосом.

В отличие от этой весьма упрощенной версии событий, группа исследователей из университетов Латинской Америки, а также бизнесменов, например – Карлоса Слима из Мексики, указывают на необходимость реформировать саму экономическую реформу, призывая к созданию такой государственной политики, которая при поддержке со стороны частных компаний изменила бы ориентацию политической экономики, начав принимать во внимание такие факторы, как уровень занятости, реальная заработная плата и региональная интеграция...

...проводить экономически жизнеспособную макроэкономическую политику в условиях кризиса производственного сектора, неспособного создать новые рабочие места или осуществлять справедливое распределение доходов, невозможно... принимая во внимание опыт Аргентины и Боливии – достичь социальной и политической стабильности также невозможно, если ничего не делать для того, чтобы остановить снижение реальной заработной платы, что, в свою очередь, содействует маргинализации общества в странах Латинской Америки.

Трибуна молодого латиноамериканиста

Алсубех Мухаммед Тахер ЛАФТА

ПОЛИТИКА США В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Глобализация мирового развития не только не стирает в международных отношениях региональную специфику, но и порождает, на первый взгляд, свою диалектическую противоположность - феномен стратегического регионализма. В XXI веке мир находится в условиях формирования региональных мегаблоков, характер взаимодействия между которыми во многом определит будущие сценарии развития мирового сообщества. По-новому зазвучавшая интеграционная парадигма возвышает роль региональных межгосударственных систем. Одной из старейших и наиболее своеобразных из них является система отношений, сформировавшаяся во второй половине XX века между Соединенными Штатами и государствами Латинской Америки, именуемая межамериканской системой.

Оказавшись в силу геополитической заданности, общности исторического прошлого, возникших еще в начале века уз взаимозависимости, США и страны Латинской Америки на протяжении всего XX века долго искали модель сосуществования взаимодействия. Гигантская асимметрия мощи и влияния между Соединенными Штатами и большинством остальных государств полушария, их нахождение в разных исторических фазах развития, принадлежность к различным цивилизационным ареалам - англо-саксонскому и ибероамериканскому - все это привело к тому, что в Западном полушарии был накоплен колоссальный и крайне интересный опыт сосуществования в рамках одной системы государств различных «весовых категорий».

Конфликтообразующий потенциал такой асимметричной системы по определению был достаточно высок. Многочисленные вооруженные интервенции Соединенных Штатов против своих ближайших соседей в первые десятилетия XX века этот конфликтный потенциал многократно усилили, сформировали стереотипы восприятия друг друга. Отрицательная «энергетика» в отношениях «двух Америк» настолько закрепились и на уровне массового сознания, и в политиче-

ской культуре правящих элит, что порой обретала черты иррационального начала. Историческая память играла роль активного фактора и нередко тормозила продвижение по пути взаимодействия даже в тех случаях, когда оно обретало императивный характер.

Это относилось не только к государствам Латинской Америки, но и к США. Победоносные вооруженные интервенции в начале века против заведомо более слабых, часто еще несостоявшихся государств оказали существенное влияние на формирование современной внешнеполитической культуры правящей элиты Соединенных Штатов, которая так ярко обозначилась в 90-е годы. Именно «праву силы» государства Латинской Америки в течение целого века пытались противопоставить «силу права», что весьма своеобразно реализовалось в формировании межамериканской системы.

Тем не менее неизбежный в те годы идеологический ракурс - «Американский империализм против свободолюбивых латиноамериканских народов», часто препятствовал объективному анализу куда более сложной и противоречивой картины взаимоотношений «двух Америк».

В настоящей статье латиноамериканская регионализация рассматривается в качестве основной из ключевых внешнеэкономических и политических стратегий южноамериканских стран, объединенных идеей «латиноамериканизма». С принятием Вашингтоном «доктрины Монро» в 1823 г. США активно пропагандировали политику «панамериканизма». Североамериканская экспансия выражалась в том, что в XIX и XX веках американский капитал присутствовал в наиболее прибыльных и стратегически важных сферах экономики латиноамериканских государств. Политические маневры по насаждению выгодных политических режимов и устранению неудобных являлись действиями, за которыми стояли защита и сохранение позиций американского бизнеса. На протяжении всей истории взаимоотношений США и Латинской Америки происходило противоборство идей «латиноамериканизма» и «панамериканизма». По мере вхождения латиноамериканских стран в мировую политику и осознания собственных национальных интересов, противоречия между Южной и Северной Америкой возрастали. Фрустрация латиноамериканцев в отношении равноправного сотрудничества с США приводила к возрождению и распространению идеологии «латиноамериканизма», которая воплощалась в разработке теоретических концепций, пропагандирующих региональную интеграцию латиноамериканских государств и избавление от всесторонней «опеки» США.

В последней декаде XX века, все четче стали обозначаться контуры латиноамериканского самостоятельного политического курса. В этот период создается крупнейшее в регионе экономическое объединение МЕРКОСУР и начинается новая веха в истории Латинской Америки в виду усиления экономико-политической мощи наиболее крупных стран региона.

Отказ влиятельных латиноамериканских государств от политики следования в фарватере вашингтонского курса сделал возможным приход к власти группы лидеров левой ориентации, нацеленных на усиление государственной роли в социальной и экономической сферах общества. Следует отметить, что «левый поворот» в регионе начался в Венесуэле с выдвижения на пост главы государства Уго Чавеса в 1998 – 2013г. Лидер государства заявил о намерении построить в Венесуэле «социализм XXI века». Этот феномен достоин изучения и анализа. Исследование изменений социально-политической и экономической среды в Латинской Америке является актуальным в свете беспрецедентного сдвига в считавшихся «раз и навсегда определенными» отношениях между Северной и Латинской Америкой.

**ЮЖНЫЙ КАВКАЗ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА:
СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ**

Закавказская платформа в силу своего геополитического расположения, в котором в настоящее постбиполярное время интернационализации и глобализации стало местом соприкосновения интересов не только мировых держав, но и стран регионов находящихся в различных значительно отдаленных частях света. В круг заинтересованных государств входят и страны Латинской Америки. Интерес стран Латинской Америки к бывшим советским республикам вызван не только фактом новой междывицизационной борьбы за постсоветское наследие, но и аутентичный подход самих республик к международной политической системе главным требованием, которой является расширение и углубление межгосударственных связей со странами различных политических систем и регионов мира. К тому же Латинская Америка со специфичностью своих политических и социальных систем, относясь к странам Западного мира, и к старой зоне жизненно важных интересов США может расширить сеть поддержки (выражаясь языком социологов) Закавказских республик. Но при этом не стоит забывать, что Закавказье это не Бенилюкс и его границы далеко не прозрачны и каждая республика обладает своей спецификой социально – политического аспекта и поэтому у латиноамериканцев имеется особый подход к сотрудничеству с каждой из них. Корректно будет начать анализ ситуации с Грузии, которая стала точкой коренного перелома во взаимоотношениях Латинской Америки и Закавказья. Появление «микрогосударств» Абхазии и Южной Осетии на Закавказской карте не сильно повлияли на работу системы в целом, но стало новым поворотом в истории для неомарксистов и новым объектом для теоретического анализа «мир – системы». Никаруга и Боливарианская республика Венесуэла – страны латиноамериканского социализма обратили внимание на эту отдаленную часть свет исходя не просто из – за близкого партнерства с Россией и принципа преодоления поляризующейся логики глобализации, но из-за цели укрепления безопасности государства и своего авторитета на Латиноамериканском континенте и придания динамичности оси Венесуэла – Куба – Боливия, так как для преодоления ассиметричной зависимости в пользу США необходимо не просто проводить интеграцию с периферией, но и с цен-

трами других периферий и таким образом создавать межконтинентальный барьер для непроникновения «оси добра» вглубь континента и препятствие созданию военного окружения со всех сторон, то есть применения концепции Анаконды. Грузия с одной стороны став страной саттелитом Запада превратилась в центр иннициации идеи «единого Кавказа», которая предполагает прозрачность взаимодействия не только между Закавказскими республиками, но и между региональными лидерами других континентов. В ходе официального визита министра иностранных дел Грузии Григола Вашадзе в Бразилию 25-26 августа 2012 года было подписано несколько соглашений об отношениях между внешнеполитическими ведомствами Грузии и Бразилии, среди которых соглашение об упрощении визового режима между странами.

«Очень важно, что Бразилия становится партнером Грузии, так как эта страна сегодня является глобальным игроком во всем мире. Также важна ее поддержка Грузии в ООН и других международных организациях»¹, – считает бывший премьер-министр Грузии Николоз Гилаури. Такая позиция объясняется тем, что Грузинская республика более приемлема следовать идеям интернационализации и международной интеграции и также как Венесуэла, Никарагуа руководствуется принципом безопасности своего государства и защиты национальных интересов что в какой – то степени соответствует неолиберальной парадигме, но с точки зрения Грузии безопасность должна обеспечиваться на международном уровне чем в рамках взаимодействия с какой – либо политической осью. Данную позицию разделила другая латиноамериканская страна – Аргентина: «Аргентина – это страна, которая на протяжении многих лет поддерживала политику демократии, и мы считаем, что единственным путем решения конфликтов Абхазии и Цхинвальского региона является отказ от любых военных действий с обеих сторон, поскольку есть возможность мирного диалога и мы поддерживаем это»², – заявил бывший глава МИДа Аргентины Гектор Тимерман.

Более сложное явление представляют Армения и Азербайджан – республики, которые еще можно отнести к странам с постсоветской ментальностью. Армения представляет собой уникальный феномен в военно – политическом аспекте: бывшая советская республика, являясь членом военно – политического объединения СНГ совмещает это участие в программе НАТО «Партнерство во имя мира» и при этом продолжает в весьма реалистичном духе налаживать военно – политические связи со странами БРИК, в том числе и с Бразилией. Бразилия, которая развивается весьма динамичными темпами и позиции Брази-

лии на мировой арене выходят постепенно на более высокий уровень. Для Армении Бразилия является приоритетным партнером, так как эта в этой стране имеется армянское лобби во многом вызванное крупной армянской диаспорой и тесные экономические (во время президентства да Силвы были также и тесные политические отношения) связи с ближайшим стратегическим соседом Армении – Ираном. Рассмотрим некоторые эпизоды военного сотрудничества между Арменией и Бразилией.

14 июля посол Армении в Бразилии Ашот Егиазарян встретился с командиром военной пожарной службы Бразилии Марсио де Соуза Матосом и обсудил вопросы сотрудничества. Как сообщает пресс-служба МИД РА, Матос отметил, что в вопросе борьбы с природными катастрофами Бразилия поддерживает много стран, в том числе, и Армению. В этом контексте он сообщил, что в 2009 году Армения и Бразилия подписали соглашение о сотрудничестве в этой сфере³. Принимая во внимание заинтересованность Армении в странах Латинской Америки, и в частности к Бразилии в вопросе развития отношений в различных сферах, в том числе оборонной, министр обороны Армении Сейран Оганян предложил бразильской стороне организовать взаимные визиты экспертных групп. Подобные вопросы рассматривались министерством обороны Армении с военными представителями других стран БРИК⁴.

Взаимоотношения Азербайджана с латинской Америкой пока не развиваются в такой динамике как взаимоотношения с Арменией и Грузией, но для Азербайджанской республики компенсирование идет со стороны нефтегазовых ресурсов, которые стали главной точкой соприкосновения в этой стране израильской, российской, американской и других разведок.

По словам новоназначенного посла Бразилии в Азербайджане Серджио де Соуза Фонтес Аррудана и Бразилия и Азербайджан преуспели благодаря огромным запасам нефти и газа. «Конечно, Азербайджан имеет 150-летнюю традицию в разработке этих ресурсов, а Бразилия присоединилась к этому процессу около 60 лет назад. Наше правительство считает, что в ближайшее время может быть установлено сотрудничество между Государственной нефтяной компанией Азербайджана (SOCAR) и крупнейшей нефтяной и газовой компанией Бразилии " Petrobrásl"», - сказал де Соуза Фонтес Аррудан. В этом контексте Бразилия, как и другие державы современности отстаивает свои интересы в нефтегазовой сфере, а Азербайджан надеется укрепить безопасность своих природных ресурсов привлекая к себе внимание региональных лидеров и тем самым уменьшить влияние России

в своей стране. Это лишь начало интеграционного процесса Латинской Америки с Закавказьем и в дальнейшем в условиях преобладания в современных международных отношениях неореалистической парадигмы и перегруппировки геополитических сил в мире может выйти на более качественный уровень, если в ближайшее время не наступит трансформация или смена американской гегемонии в мире, которая предположительно должна произойти в соседнем Иране.

Естественно после фатального исхода ирано-американского противостояния, Закавказье перестанет быть для Латинской Америки местом для инвестиций или важной геополитической платформой, но, тем не менее, в данный момент безопасность Среднего Востока зависит от политической стабильности его северных соседей и определено Латинская Америка вносит вклад в обеспечение этой стабильности⁵. Основываясь на базовых парадигмах теории международных отношений безопасность государства, выходя на первые ряды проблем мировой политики решается и путем интеграции, которая посредством взаимодействия с центром в данном случае это страна ядро СНГ – Россия выводит страны латинской Америки на рубежи южно-кавказской периферии, которая способна превратится в опорный пункт не только латиноамериканцев, но и укрепить присутствие в регионе как и России так и всех стран БРИК.

¹ Тутберидзе А. Бразилия становится партнером Грузии / А. Тутберидзе. – (<http://www.newsgeorgia.ru>)

² Мамулашвили Ц. Аргентина и Грузия намерены углублять сотрудничество / Ц. Мамулашвили. – (<http://www.newsgeorgia.ru>)

³ Армения заинтересована в развитии военного сотрудничества со странами Латинской Америки. – (<http://armenia.ru>)

⁴ Бразилия считает примерным сотрудничество с Арменией в вопросе борьбы с природными катастрофами. – (<http://www.paparmenian.net/ru>)

⁵ Бразилия с нетерпением ждет выполнения резолюций ООН по карабахскому конфликту. – (<http://news.day.az>)

**НАРКОБИЗНЕС КАК ФОРМА
«ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ» В КОЛУМБИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

(эссе)

Проблемы теневой экономики стали одними из наиболее важных для многих стран мира. Некоторые разновидности теневой деятельности (наркобизнес, коррупция, финансирование терроризма) признаны угрозами национальной экономической безопасности, их справедливо включают в число глобальных проблем. Развитая теневая экономика характерна и для Колумбии. Какие ассоциации возникают у вас, когда вы слышите название этой страны? Кофе? Изумруды? В девяти случаях из десяти, как показал соцопрос, первой мыслью человека было – наркотики. Действительно, несмотря на наличие полезных ископаемых и возможности, открывающиеся при их добыче, Колумбия, к сожалению, славится своей слаженной работой в сфере наркобизнеса. Теневая экономика по-прежнему является главным рычагом развития экономики государства

"Страна сказочных богатств" - так называли Колумбию испанские завоеватели, ступившие на ее землю в XV веке¹. До завоевания независимости в 1819 году многие богатства страны были безжалостно разграблены, а самобытные индейские цивилизации уничтожены. Тысячи тонн золота, драгоценных камней и металлов были вывезены конкистадорами в Европу, а многочисленные города могущественных некогда андийских цивилизаций канули в Лету. У Колумбии, в свою очередь, остались тысячи гектаров посевных площадей, которые впоследствии были приспособлены для выращивания коки.

Основной проблемой Колумбии в этой сфере, по мнению экономистов и политологов, является фактическое отсутствие власти. Нет, конечно, в стране есть и Парламент, и Правительство, и Президент, но их влияние в отдалённых провинциях с течением времени сошло на нет. Повстанческие движения – вот реальная власть значительной части территории страны. В связи с этим, как отмечал колумбийский политолог Альфредо Рэнгель Суарес², экономика государства и экономика повстанцев, как бы сливаются в едином симбиозе. Теневая экономика становится неотъемлемой частью региональной - в такой степени, что грани между легальной и теневой экономикой стираются.

Открытость колумбийской экономики, в свою очередь, позволила повстанческим группам делать капитальные вложения не только в теневую, но и в официальную экономику колумбийского государства, создавая тем самым идеальный канал отмывания "грязных" денег. А грамотная политика колумбийских повстанцев позволила им за последние 20 лет стать в один ряд с наиболее могущественными криминальными организациями мира.

Как отмечалось ранее, расположенные вдали от центра регионы имеют слабые административные и экономические связи с правительством, поэтому практически все функции государства там выполняют повстанцы. Именно в этих регионах влияние преступных группировок уже стало традиционным. Основной род занятий здесь - выращивание коки и мака. Может создаться впечатление, что повстанцы насильно заставляют жителей выращивать наркотики. Это не так: еще с доколониальных времен кока была одним из основных занятий местных крестьян, и отучить их сегодня от этого крайне выгодного дела, заставить заняться обычным земледелием весьма непросто. Дело в том, что никакие культуры не смогут принести такого высокого дохода, как кока, опиумный мак и конопля. Вдобавок они выращиваются высоко в горах, где их трудно заменить другими культурами.

К тому же возникает ещё одна проблема, решение которой практически невозможно: к наркобизнесу как к отрасли экономики, пусть и незаконной, вполне применим один из основных законов рыночной экономики - спрос рождает предложение. Неуклонный рост потребления наркотических веществ в промышленно развитых странах, приводит к тому, что год от года производство наркотиков становится все более выгодным делом. Характерно при этом, что в самой Колумбии уровень потребления наркотиков не очень высок, по крайней мере по сравнению с США и Западной Европой.

Таким образом можно сделать предположение, что США и Европа, так яро борющиеся за ликвидацию колумбийских наркотиков, сами рождают предпосылки к их производству. Развитым странам следует, прежде всего, решить проблему на национальном уровне, ведь ни для кого не секрет, что не будь в мире желающих приобрести кокаин, его продажа и производство потеряли бы всякий смысл. Однако такой расклад событий можно смело назвать утопичным, поэтому сегодня мы всем миром ведём борьбу с посевами коки в Колумбии.

Возможна ли в будущем полная очистка колумбийских земель от наркотических посевов? И действительно ли власть Колумбии стремится к этому? Наркобизнес и Колумбия уже много десятилетий прочно связаны друг с другом. Первый настолько прочно "вписался"

в экономическую и политическую жизнь страны, что искоренить его принятым "механическим" путем оказалось невозможным. Во многих районах Колумбии, в особенности в департаменте Валье-дель-Каука, наркоденьги представляют собой основной источник капиталовложений в экономику³. Ни для кого не секрет, что наркодельцы через посредников финансируют целые отрасли хозяйства, например строительство. Косвенно это подтверждается тем, что даже в годы сокращения регистрируемого финансирования строительной отрасли ее масштабы не уменьшаются, а то и увеличиваются.

В целом, по данным национального Комитета по борьбе с наркотиками, до 80 процентов колумбийских предприятий и организаций прямым или косвенным путем занимаются отмыванием наркодолларов. Нельзя оставить без внимания и тот важный факт, что власти в своё время сыграли немалую роль в распространении наркобизнеса. Глубоко укорениться в колумбийском обществе наркомафии помогла пассивность прежних властей страны, долгое время закрывавших глаза на ее деятельность. Конечно, порой наркодельцы встречали на своём пути сопротивление: в свое время их главной целью была легализация наркобизнеса. В 1984 году глава медельинского картеля П.Эскобар даже предложил в обмен на это в течение недели оплатить до последнего цента весь внешний долг Колумбии, достигавший 15 млрд. долларов, и обеспечить массовый приток средств в экономику⁴. После того как президент страны Б.Бетанкур ответил решительным отказом на такое предложение, наркобароны развернули по всей стране настоящий террор, который и по сей день остаётся на вооружении наркомафии.

Другой метод воздействия на политику - подкуп высших должностных лиц, принявший характер настоящей эпидемии. Высокий уровень коррумпированности органов власти, включая суды и полицию, заметно осложняет решение наркопроблемы.

Интересная тенденция наблюдается и со стороны самих властей. Много лет назад, когда в Колумбии существовало 2 всемирно известных картеля – Медельинский и Кали, - правительство сотрудничало с Хелмером «Пачо» Эррерой (участником картеля Кали), ставя своей целью убийство или захват Пабло Эскобара (лидера Мелельинского картеля). Сегодня власти не вступают в открытые группы с наркоторговцами, зато летом 2012 года они приняли решение легализовать наркотики. Теперь в стране совершенно законно можно иметь при себе 1 грамм кокаина или 20 граммов марихуаны⁵.

Также сомнения вызывают и заявления правительства о значительном сокращении посевных площадей коки. Несмотря на то что

Вашингтон говорит о сокращении посевов за последний год на четверть, а за последнее десятилетие – на 72%, по заявлению директора Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков этим летом «в Колумбии стали производить больше наркотиков и поставлять их в сторону Аргентины». А исходя из данных доклада управления ООН по наркотикам и преступности, посевные площади в Колумбии вновь начинают возрастать. Ненамного, всего на 3%, однако даже эта ничтожная цифра идёт вразрез с официальными заявлениями США – лидера движения по борьбе с колумбийскими наркотиками⁶. Стоит также упомянуть заявление Президента Колумбии о том, что к 1998 году наркокартели будут полностью побеждены. Прошло 14 лет, а ситуация в данной области по-прежнему остаётся не слишком радужной.

Итак, мы видим, что Колумбия по-прежнему остаётся родиной огромного количества кокаина, который поставляется, преимущественно, в страны Европы и Северной Америки. Государство, в свою очередь, предпринимает различные меры по сокращению посевных площадей, что существенно осложняется присутствием повстанцев, захвативших значительную часть легальной экономики в ходе приватизации и организовавших подобие собственной власти на большей части территории Колумбии. В этих регионах местное население занимается выращиванием коки, пытаясь заработать себе на жизнь, в то время как реальные власти налаживают связи по поставке продуктов из-за рубежа (цены на такие товары на порядок выше, и порой крестьяне не в состоянии отдавать такие огромные для них суммы на пропитание, что мотивирует их увеличивать посевные площади, пытаясь прокормить семью).

Подводя итоги, можно сказать, что проблема выращивания наркотиков в Колумбии не теряет свою актуальность уже долгие годы. Тому есть две причины: 1) та Колумбия, которую мы знаем сейчас, выросла на наркотиках. Испокон веков землевладельцы выращивали коку. Наркотики – это прошлое страны, её настоящее и, по крайней мере, ближайшее будущее. Пока данной деятельности не будет найдена справедливая по доходам альтернатива, жители не откажутся от данного способа заработать деньги; 2) Европа и США стимулируют выращивание наркотических веществ, путём постоянного повышения спроса.

Миру необходимо подходить к решению проблемы изнутри – бороться не с запрещёнными посевами, а с зависимостью людей. В конце концов, истребив все посевные площади Колумбии, мы лишь создадим предпосылки зависимым людям искать новые каналы сбыта

наркотиков, что ещё больше усугубит проблему распространения наркотических веществ по всему миру.

Также, учитывая всё вышесказанное, нельзя не заметить противоречивые действия государства, направленные на истребление наркобизнеса, что вызывает резонный вопрос – а действительно ли власти хотят избавить страну от наркотиков? В конце концов, поддерживая так называемую войну с наркотиками, власти Колумбии на постоянной основе получают от развитых стран огромные суммы денег, спонсирующих эту борьбу. Неужели они когда-нибудь откажутся от подобного спонсорства?

¹ Колумбия – страна ярких контрастов. – (<http://www.colombia.su/Historia/colon.html>)

² Криминальная глобализация экономики. – (<http://corruption.rsuh.ru/magazine/5-2/n5-16.html>)

³ Колумбия – страна ярких контрастов. – (<http://www.colombia.su/Sociedad/mafia.html>)

⁴ Картель Кали. - (http://latino-america.ru/south_america/colombia/cali_cartel.html)

⁵ Media International Group. Колумбия легализовала наркотики. – (http://latino-america.ru/south_america/colombia/cali_cartel.html)

⁶ Сайт ЮНОДК. – (<http://www.un.org/ru/ecosoc/unodc/>)

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО БРАЗИЛОВЕДЕНИЯ

Максим КИРЧАНОВ

СОВЕТСКОЕ БРАЗИЛОВЕДЕНИЕ В 1980-е ГОДЫ: ЗАПОЗДАЛЫЙ РАСЦВЕТ БРАЗИЛЬСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР

Автор анализирует проблемы бразильских исследований в СССР в 1980-е годы. Работы советских историков, посвященные Бразилии, бразильской политике и экономике, проанализированы в статье. Бразильские исследования развивались под влиянием идеологизации. Советские историки в 1980-е годы заложили фундамент для последующего развития бразильских исследований в постсоветской России.

Ключевые слова: Бразилия, СССР, историография, латиноамериканистика, бразиловедение

The author analyses the problems of Brazilian Studies in USSR of the 1980s. The works of Soviet historians in Brazilian politics and economy are analyzed in the article. Brazilian studies developed under influencing of ideologization process. Soviet historians in the 1980s established back-ground for further development of Brazilian Studies in the post-Soviet Russia.

Keywords: Brazil, USSR, historiography, Latin American Studies, Brazilian Studies

Наибольших успехов в своем развитии советское бразиловедение достигло в 1980-е годы. Период 1980-х годов стал наивысшей точкой в развитии советских бразильских исследований. Именно на этом этапе было опубликовано больше всего специальных работ, посвященных Бразилии, были подведены итоги более ранних лет. Тематика исследований советских латиноамериканистов, которые были посвящены Бразилии, отличалась значительным разнообразием. На протяжении 1980-х годов вышли работы, авторы которых затрагивали самый широкий круг вопросов – от политической до экономической истории Бразилии в XX веке.

В 1980-е годы продолжилось изучение истории Бразилии 1920 – 1940-х годов. В этом отношении особое внимание уделялось истории различных политических партий, а также – правлению Жетулиу Варгаса. В 1981 году вышла монография Н.П. Калмыкова, которая представляла первое исследование на русском языке, специально посвященное проблемам рабочей политики Ж. Варгаса, а 1985 году увидела свет книга С.М. Хенкина, в центре внимания которой были вопросы истории тенентистского движения.

Исследования советских латиноамериканистов, в том числе – и бразиловедов, выполненные в 1980-е годы, были всецело интегрированы в советский канон общественного знания. В подобной ситуации предпринимались попытки написания / описания истории Бразилии так, как изучалась история других капиталистических государств. Одной из центральных идей в советском общественном знании была концепция буржуазной революции. Именно революция была отправной точкой значительной части исследований, которые в той или иной мере были посвящены новейшей истории Запада. Ситуация с изучением Бразилии осложнялась тем, что эта страна не знала буржуазной революции, которая «расчистила бы почву для утверждения капиталистического способа производства»¹. В подобной ситуации советские историки, которые занимались изучением Бразилии нередко в своих работах нередко отталкивались от идеи, что эта страна была если не отсталой, то характеризующейся значительным количеством социально-экономических пережитков и противоречий.

В частности, советские бразиловеды пытались найти истоки бразильской отсталости в истории этой страны. Например, Т.Ю. Забелина и А.А. Сосновский полагали, что развитие Бразилии как империи указывало на то, что страна принадлежала к числу «наиболее отсталых стран мира», а сохранение рабства в Бразильской Империи «способствовало консервации отсталых производственных отношений, докапиталистических форм эксплуатации, задерживая тем самым капиталистическое развитие страны»². По мнению ряда исследователей, в «в представлениях о прошлом отражается современное состояние группы»³. Не удивительно, что советские латиноамериканисты проецировали на прошлое Бразилии разного рода стереотипы и мифы, которые оказались весьма устойчивыми. С.М. Хенкин, комментируя специфику развития Бразилии в период существования Первой Республики (1889 – 1930) подчеркивал, что эта страна являлась «отсталой, преимущественно аграрной и зависимой от империализма». По мнению большинства советских исследователей в Бразилии этот период (первая Республика) характеризовался тем, что «местные буржуазно-помещичьи кланы полностью контролировали политическую и экономическую жизнь, а органы власти формировались посредством сговора между ними».

Анализируя специфику социального и экономического развития, С.М. Хенкин особое внимание уделил фактору кофе, которые способствовал формированию в Бразилии экономики монокультуры, хотя сам этот термин советским исследователем не применялся. Рассматривая особенности экономического развития Бразилии, С.М. Хенкин

вскрывает механизм регионализации, связанный с экономической специализацией отдельных регионов, сращиванием политического и экономического классов, что вело к развитию олигархии. По мнению советских бразиловедов, рост региональных различий и диспропорций в развитии отдельных регионов был связан с засильем олигархических группировок, которые концентрировались с Сан-Паулу или в Минас-Жерайс, специализируясь соответственно на кофе и скотоводстве. Аналогичные точки зрения в целом доминировали в советской латиноамериканистике: Н.П. Калмыков, например, также особое внимание уделял фактору сращивания различных экономических группировок, связанных с производством кофе, что вело к формированию «аграрной олигархии»⁴.

Другие советские бразиловеды также акцентировали внимание на доминировании «патриархальных отношений»⁵ в Бразилии в первой четверти XX века. Советские латиноамериканисты 1980-х годов прилагали немалые усилия с целью доказать, что Бразилия к началу XX века представляла собой одно из наименее развитых государств со значительным количеством нерешенных социальных проблем и противоречий: например, Н.П. Калмыков писал не только о «глубоких классовых противоречиях», но и находил в бразильском обществе первой четверти XX столетия «полуфеодальную зависимость» бразильских крестьян от землевладельцев, что, правда, не мешало ему утверждать о существовании в Бразилии и «сельскохозяйственного пролетариата»⁶. С.М. Хенкин, например, подчеркивал, что «широкие массы сельского населения подвергались жестокой эксплуатации, жили в ужасающих условиях нищеты, косности и невежества»⁷.

С другой стороны, С.М. Хенкин предлагал и весьма оригинальные для середины 1980-х годов интерпретации и объяснения бразильской истории в духе официально критикуемой в СССР теории модернизации. С.М. Хенкин, например, подчеркивал, что «кризис 1920-х годов в Бразилии был кризисом традиционного аграрного общества, в котором капитализм еще только утверждался»⁸. Другой советский исследователь Н.П. Калмыков также писал о значительных трансформациях в Бразилии, подчеркивая то, что это государство представляло собой страну «со сложной социально-экономической структурой»⁹. Особо в советском бразиловедении 1980-х годов, развивавшемся в условиях значительной идеологизации, подчеркивалось и то незавидное положение пролетариата, в котором тот пребывал в начале XX века: «тяжесть экономических условий жизни пролетариата усугублялась политическим бесправием, полным отсутствием какого-либо трудового законодательства»¹⁰.

Советскими авторами подчеркивалось и то, что социальные и экономические трансформации в первой четверти XX века привели к определенному росту рабочего класса в Бразилии, что воспринималось ими как следствие развитие капитализма. Кроме этого признавалось и то, что в период правления Ж. Варгаса в Бразилии произошла «ломка старых политических и социальных институтов, появление и укрепление новых общественных отношений». Иные возможные интерпретации этого процесса, связанные, например, с модернизационными процессами и кризисом традиционного общества в силу идеологических причин в советский период были невозможны. С другой стороны, в советской латиноамериканистике констатировалось, правда, и то, что «вдохновленный примером Октября, рабочий класс Бразилии резко усилил борьбу за свои права» и то, что «упорные классовые бои рабочего класса не прошли бесследно».

Несмотря на значительный уровень идеологизации гуманитарного и общественного знания, С.М. Хенкин в 1980-е годы полагал, что значительная роль в политической жизни Бразилии в 1920 – 1930-е годы (которым в монографии 1983 года он уделил основное внимание) принадлежала, не рабочему классу, а тенентизму – политическому движению, которое возникло и развивалось в недрах армии. Формирование тенентизма С.М. Хенкин, с одной стороны, связывал с ростом либеральных настроений в Бразилии и укреплением национального самосознания в контексте празднования в 1922 году юбилея независимости. С другой стороны, он указывал и на интеллектуальные истоки тенентизма, особенно – на роль бразильского мыслителя Аберту Торреса. Другой советский латиноамериканист 1980-х годов, Н.П. Калмыков так же писал о преимущественно либеральном характере тенентизма, позиционируя его в качестве радикального националистического, но при этом преимущественно – буржуазного, политического движения.

В интерпретации Т.Ю. Забелиной и А.А. Сосновского тенентизм также предстает как преимущественно мелкобуржуазное движение. Анализируя феномен тенентизма, С.М. Хенкин не только не описывал его революционное движение, он признавал факт отсутствия революционной ситуации в Бразилии и указывал на то, что на раннем этапе оно в определенной степени было либерально и не обладало четкой политической программой, в большей степени склоняясь к революционной разновидности национализма. Н.П. Калмыков, рассматривая роль тенентизма, указывает на его значительную фрагментарность и отсутствие единства. Советскими авторами в вину теоретикам тенентизма ставилось то, что они «не пытались привлечь к борьбе широкие

массы трудящихся». Анализируя феномен движения тенентистов, советские историки особое внимание уделяли его месту в истории Бразилии. По мнению С.М. Хенкина, книга которого была издана в 1985 году, «бразильские офицеры-патриоты были связаны 1920 – 1930-х годов были генетически связаны с современным революционным офицерством», являясь «его предшественниками».

Советские латиноамериканисты 1980-х годов были вынуждены признать то, что тенентизм развивался как преимущественно либерально-буржуазное движение и был не в состоянии противостоять установленному в 1930 году режиму Жетулиу Варгаса. Жетулиу Варгас стал одной из знаковых и центральных фигур в истории Бразилии XX века и в подобной ситуации советские бразиловеды были вынуждены уделять ему пристальное внимание. Н.П. Калмыков, в частности, признавал, что именно в годы правления Ж. Варгаса, которые в целом признавались как «антидемократические», в Бразилии были созданы условия для индустриализации. Кроме этого в советском бразиловедении имели место и попытки интерпретировать события 1930 года как «буржуазную революцию», которая не была доведена до завершения.

С.М. Хенкин также подчеркивал, что Ж. Варгас оказался в состоянии осуществить ряд мер, которые «ускорили развитие Бразилии по капиталистическому пути». При этом советскими исследователями отрицалось то, что политика Ж. Варгаса имела антиимпериалистический характер, хотя определенное националистическое наполнение и содержание, проводимых им действий, все-таки признавалось. В целом, в вину Ж. Варгасу ставили антидемократический характер его режима, близость с фашизмом, а также – «апологию капиталистического строя и христианской морали».

Советские бразиловеды 1980-х годов особое внимание уделяли авторитарному режиму, установленному в 1964 году. Т.Ю. Забелина и А.А. Сосновский, анализируя переворот, подчеркивали, что он не был простым путчем, а являлся сознательным выступлением «проимпериалистических кругов», которое имело контрреволюционный характер и было направлено против коммунистического и рабочего движения, способствуя оформлению в Бразилии «государственно-монополистических тенденций», что проявилось в проведении «ускоренной капиталистической модернизации». При этом военный переворот советскими авторами сравнивался с реакционными политическими режимами, в том числе и со... «столыпинским периодом в развитии российского капитализма».

Поэтому совершенно естественно то, что военный режим позиционировался как режим, который имел «реакционный характер» и проводил «антинародную политику». По мнению советских исследований, переворот привел к первой в Латинской Америке попытке «последовательного комплексного осуществления контрреволюционной стратегии», которая проявилась в «комплексном подавлении трудящихся». В целом в советском историческом воображении доминировал негативный образ режима, установленного в 1964 году, подчеркивая, что он соответствовал интересам крупной буржуазии, способствуя росту связей бразильских правящих классов с международным капитализмом. Советские историки подчеркивали, что «успехи» военного режима были достигнуты исключительно благодаря «неимоверным жертвам и лишениям бразильского народа», «сверхэксплуатации трудящихся» и тому, что новые власти «лишили рабочий класс и всех трудящихся важных завоеваний, достигнутых в упорной борьбе с капиталом».

1980-е годы были отмечены и новыми попытками советских латиноамериканистов выработать некую теорию описания и изучения новейшей истории Бразилии, которая претендовала бы на концептуальность и описывала бы большую часть политических, социальных и экономических процессов в стране. Подобная попытка была предпринята в 1983 году, что было связано с изданием коллективной монографии «Бразилия: тенденции экономического и социально-политического развития», которая позиционировалась ее авторами как «комплексное исследование современных социально-экономических проблем, внутренней и внешней политики крупнейшего государства Латиноамериканского региона»¹¹.

Создавая обобщающее исследование, посвященное Бразилии, советские исследователи не могли избежать обращения к истории этой страны. При этом во внимание следует принимать и тот фактор, что «до распада СССР не менялись содержательные, методологические и терминологические модели интерпретации истории»¹². В подобной ситуации интерпретации истории Бразилии в советский период отличались консервативным, почти статичным характером. Исторический очерк, который содержится в издании 1983 года, наполнен почти всеми историографическими и идеологическими клише, характерными для советской историографии. В частности, констатировалось, что «бразильская нация родилась в борьбе против колониального гнета» и параллельно подвергались критике «апологетические концепции Жилберту Фрейре и других буржуазных историков»¹³. С другой стороны, как и ранее, в 1980-е годы советские историки почти полно-

стью игнорировали имперский период в истории Бразилии, что, вероятно, было вызвано причинами идеологического и политического свойства. При этом советскими авторами подчеркивалось то, что к началу XX века Бразилия была «слабо развитой аграрно-сырьевой страной, зависимой от иностранного капитала»¹⁴.

Эта ситуация объяснялась советскими историками тем, что в Бразилии «отправной базой для эволюции социально-экономических структур стала сугубо отсталая и регрессивная форма организации труда»¹⁵, а страна в целом пребывала в прошлом в состоянии «жесткой зависимости от мирового рынка и господствующих на нем держав, а изменения, происходившие в мировой торговле, полностью определяли структуру производства Бразилии, темпы хозяйственного освоения ее территории, подъем или упадок отдельных отраслей хозяйства, районов и т.д.»¹⁶. В целом, история Бразилии в публикации 1983 года, о которой идет речь, представлена крайне фрагментарно и выборочно. Особое внимание уделено режиму Жетулиу Варгаса, который не получил внятной оценки¹⁷. В первой половине 1980-х годов в советской латиноамериканистике история Бразилии была не более чем фоном для истории рабочего и коммунистического движения в этой стране.

1980-е годы следует рассматривать в качестве прорыва для советского бразиловедения, связанного со значительным расширением тематики издаваемых публикаций. Именно в 1980-е годы в Советском Союзе впервые на русском языке были изданы оригинальные работы, посвященные проблемам социальной и экономической истории Бразилии, важнейшей из которых стала монография А.П. Караваева, в центре внимания которой были проблемы истории бразильского капитализма. Вышедшая всего за четыре года до краха СССР и исчезновения советского бразиловедения, книга А.П. Караваева, которая появилась после издания в 1970-е годы узко сфокусированных работ, посвященных концентрации капитала¹⁸ и государственному капитализму в Бразилии¹⁹, стала важным шагом в развитии отечественных бразильских исследований.

Особое внимание советскими бразиловедами 1980-х годов уделялось проблемам генезиса капитализма в Бразилии. Анализируя проблемы развития капитализма на раннем этапе бразильской истории, А.П. Караваев подчеркивал, что экономика этой страны формировалась в условиях «доминирующего влияния внешних факторов», а в период колонизации на бразильскую почву были перенесены многие институты и отношения, которые ранее существовали в Португалии. В подобной ситуации Бразилия хотя и сыграла одну из ведущих ролей

в период первоначального накопления капитала, ее экономика продолжала оставаться преимущественно «докапиталистической». Этот факт советскими исследователями связывался с тем, что «отправной базой для эволюции социально-экономических структур Бразилии стала сугубо отсталая регрессивная форма общественной организации труда».

Анализируя особенности экономической истории Бразилии, советские авторы особое внимание акцентировали на ее уникальности, подчеркивая то, что если в Европе шел процесс первоначального накопления, становления и усиления капиталистических отношений, то в Бразилии имел место рост пауперизированного населения, что существенно осложняло социальные и экономические процессы в регионе.

По мнению А.П. Караваева, для экономики Бразилии колониального периода были характерны некоторые особенности, а именно – отток значительной части производимого продукта за пределы Бразилии, «физическая и моральная деградация трудящегося населения», значительный уровень эксплуатации, застой в производстве, использование рабского труда. Именно эти факторы, по мнению советских авторов, существенно повлияли на отсталость экономики в Бразилии, что выражалось в доминировании различных монокультур, первой из которых стал сахар. Советские исследователи полагали, что незначительное число переселенцев из Португалии, невозможность закрепить и использовать труд индейцев вынудили власти завозить черных рабов, что привело к утверждению института рабства. Рабство в значительной степени использовалось при функционировании экономик монокультур – сахара, а позднее – кофе. Кризис рабства советскими авторами связывался с тем, что постепенно доходы, получаемые от производства и экспорта кофе, стали превышать расходы, связанные с содержанием рабов²⁰.

Особое внимание А.П. Караваев уделял развитию капитализма в Бразилии. Советские латиноамериканисты полагали, что развитие капиталистических отношений в Бразилии шло медленнее, чем в других регионах Запада. Эта замедленная динамика, по их мнению, была связана с длительным сохранением рабства. Анализируя развитие капитализма, А.П. Караваев выделял четыре этапа. Первый период в истории бразильского капитализма датировался им серединой XVIII – началом XX века и определялся в качестве генезиса. Предполагалось, что на этом этапе имело место не только введение металлических денег и проявление первых симптомов аграрного перенаселения, но и появление независимой Бразилии, развитие которой характеризова-

лось как быстрым ростом доходов от экспорта, развитием рынка, так и постепенным упадком и крахом рабовладельческой системы и появлением рынка наемного труда.

Второй период в истории бразильского капитализма датировался 1870 – 1930 годами. А.П. Караваев полагал, что на данном этапе капитализм стал основной экономической системой в Бразилии (1900 – 1920-е годы) в условиях постепенно углубляющегося кризиса (1920 – 1930-е годы) традиционного хозяйства. 1930 – 1960-е годы определялись А.П. Караваевым как третий период в истории капитализма. По мнению советского исследователя, этот этап характеризуется «переходом к господству промышленных форм капитала и накоплением противоречий зависимого развития». Важнейшими достижениями этого периода стали переориентация хозяйства на внутренний рынок (1930 – 1945), формирование государственного сектора (1938 – 1960), рост иностранного присутствия (1955 – 1962), развитие и диверсификация производства (1938 – 1962), превращение капитализма в доминирующий экономический уклад (1930 – 1955). Последний, четвертый, этап в развитии капитализма связывался А.П. Караваевым с «обострением структурного кризиса капитализма» и датировался с начала 60-х годов XX века²¹.

Для интерпретаций новейшей истории Бразилии в 1980-е годы советскими бразиловедами характерна значительная степень идеологизации. В частности, Н.П. Калмыков писал об «антинародном союзе», который бразильская буржуазия заключила с «помещиками»²² в результате революции 1930 года. С.М. Хенкин, подчеркивая, что «тенентисты с революционных позиций, отстаивающие интересы народа, были революционными демократами по месту и роли в бразильском демократическом движении», декларировал, что «выступления 1920-х годов вписали яркую, немеркнущую страницу в летопись революционной борьбы в Бразилии»²³, несмотря на то, что режим Ж. Варгаса, как полагали его советские исследователи, смог уничтожить «силы демократии и прогресса»²⁴. Кроме этого в советском историческом воображении образ тенентистского движения в значительной степени был идеализирован и героизирован. Именно поэтому С.М. Хенкин писал, что тенентисты «вели героическую борьбу против реакционного правительства, не щадя собственной жизни»²⁵.

1980-е годы стали важным этапом и в изучении бразильской культуры. Значительное внимание советские бразиловеды уделяли проблемам истории бразильской культуры. Генезис и возникновение этой культуры ими связывалось с колониальным периодом в истории страны. Советские авторы полагали, что на протяжении длительного

времени в Бразилии доминировала преимущественно религиозная культура, а значительным культурным явлением было участие в колонизации региона иезуитов, которые принесли из Европы религиозные культурные традиции, особенно – в области образования и написания первых историй Бразилии. В целом, советские бразиловеды 1980-х годов полагали, что Бразилия, являясь португальской колонией, пребывала в состоянии «насильственной культурной изоляции»²⁶.

Значительное внимание советскими бразиловедами уделялось и проблемам развития образования в Бразилии. Анализируя развитие системы образования в Бразилии, советские латиноамериканисты нередко исходили из идеологических, нежели научных, устремлений, видя истоки большинства проблем в том, что Бразилия является капиталистической страной. Именно с капиталистическим характером Бразилии советские авторы были склонны связывать неспособность правящих кругов в этой стране ликвидировать неграмотность. В частности, подчеркивалось, что «самая массовая – начальная – школа недоступна для миллионов детей». Советский исследователь В.П. Беляев, анализируя особенности развития системы образования в Бразилии, подчеркивал, что логика его развития подчинена «ускоренной капиталистической модернизации социально-экономической структуры общества»²⁷.

Значительное внимание в рамках изучения бразильской культуры советскими латиноамериканистами уделялось проблемам истории литературы. Анализируя основные этапы и вехи в истории бразильской литературы, Б.Ю. Субичус связывал ее появление с подъемом национального самосознания, с появлением независимой бразильской государственности, что способствовало росту уникальности литературы Бразилии. Изучение истории бразильской литературы и в 1980-е годы было подчинено нуждам коммунистической идеологии, которая доминировала в СССР. Именно поэтому советские латиноамериканисты акцентировали внимание на прогрессивности тех или иных бразильских писателей. В качестве наиболее яркого и показательного проявления прогрессивности признавалось преследование со стороны правящих кругов или политической реакции. История бразильской литературы в СССР традиционно излагалась, как правило, схематично и тенденциозно, сводясь к последовательной смене нескольких литературных школ, которые рассматривались как предыстория реализма. В свою очередь реализм сводился почти исключительно к творчеству Жоржи Амаду²⁸. Заслуга последнего, по мнению некоторых советских авторов, сводилась к тому, что тот в своих произведениях «показал становление классового сознания бразильского пролетариата»²⁹.

Не могло избежать значительной идеологизации и коллективное издание 1983 года, о котором речь шла выше. Советские исследователи особое внимание акцентировали на социальных и экономических противоречиях в развитии Бразилии, подчеркивая, что «огромный рынок рабочей силы представляет монополистическому капиталу неограниченные возможности для беспощадной эксплуатации»³⁰. Военный переворот 1964 года в СССР первой половины 1980-х годов оценивался крайне негативно, позиционируясь как «контрреволюция», направленная на уничтожение и разгром «прогрессивных и демократических сил»³¹. С другой стороны, советские авторы особое внимание акцентировали на том, что «бразильскую буржуазию беспокоит... то... как в бразильском обществе растет удельный вес и социально-классовая активность рабочего класса»³².

В 1980-е годы активно издавались как научные, так и научно-популярные исследования о Бразилии. Если воспринимать 1980-е годы в качестве «золотых лет» для советского бразиловедения, то особенно удачными они были с точки зрения издания научно-популярной, публицистической литературы о Бразилии.

Популярная литература, посвященная Бразилии, затрагивала самый широкий круг вопросов, связанных с внутренней и внешней политикой, экономикой и культурой крупнейшего латиноамериканского государства. При этом, несмотря на значительную степень идеологизации и политизации, изданий, посвященных Бразилии, именно они служили не только основным источником информации о далекой стране для советских граждан, но играли и важную политическую роль, формируя определенный образ Бразилии в массовом сознании.

Создавая политически выверенный и идеологически отточенный образ Бразилии, советские авторы акцентировали внимание на тех темах, которые к тому времени успели стать традиционными – военном перевороте 1964 года, социальных проблемах и бедности, специфике развития бразильского капитализма.

Излюбленными героями советских публицистов, которые писали о Бразилии, были представители социальных низов, бродяги, рабочие, безземельные крестьяне. Эти герои не могли вызвать у советской цензуры подозрений. Иногда в качестве «правильных» героев Бразилии в текстах советских публицистов фигурировали «прогрессивные» деятели и писатели. В частности в интеллектуальном воображении советских бразиловедов оригинальный и противоречивый Жоржи Амаду превратился в убежденного писателя-коммуниста³³, что свидетельствует не только о значительной степени идеологизации, но и о схематизации новейшей бразильской истории, стремлении вписать ее в со-

ветский канон, основанный на разделении всего на правильное и неправильное, хорошее и плохое, положительное и отрицательное. Советскими авторами столь активно описывались мытарства и скитания бразильцев, которых капитализм вынуждал покидать родные места и ехать в города в поисках работы. С другой стороны, внимание акцентировалось на социальном расслоении общества, противоречиях между богатыми и бедными гражданами Бразилии.

В целом сочувственно относясь к простым и рядовым бразильцам, советские бразиловеды со свойственным классовым сознанием крайне негативно и критически писали о бразильских капиталистах, служивших «золотому тельцу». Советские авторы не скупались на сравнения и эпитеты, описывая противоречия бразильского капитализма: Бразилия позиционировалась как страна, раздираемая социальными проблемами и противоречиями – «сотрудники министерства социального страхования подсчитали, что лишь 10 процентов населения живут в удовлетворительных условиях... в половине бразильских муниципалитетов нет врачей»³⁴. Кроме этого, живописуя ужасы бразильского капитализма советские публицисты писали и о том, что в Бразилии существуют значительные проблемы с грамотностью населения, а значительная часть бразильцев «едва успевает научиться грамоте»³⁵. Другие советские публицисты подчеркивали, что «в стране катастрофически не хватает учебных пособий, учителей, средств на ремонт и строительство школьных зданий»³⁶.

Подобные нарративы активно культивировались советскими публицистами с целью не только последовательной идеологизации потребителя подобного рода литературы но и дабы оградить его от сомнений в правильности советской модели развития. В. Соболев в начале 1980-х годов, например, писал о том, что «в жизни дорогу простому человеку перекрывают не только заборы частных владений, но и прежде всего невидимые социальные перегородки». Кроме этого советские публицисты, которые писали о Бразилии, особое внимание акцентировали на социальных проблемах и культе насилия «буржуазных» стран: «мы включили в номере телевизор... местная компания бесцеремонно агитировала зрителей приобретать револьверы и винчестеры». Особенно тяжело, по мнению советских бразиловедов, приходилось бразильским безземельным крестьянам, которые были вынуждены арендовать землю у крупных землевладельцев: «Чудовищная нелепость – несмотря на огромную площадь страны, земли для бедняков не хватает», – патетически декларировал в начале 1980-х годов В. Соболев.

В подобной ситуации, описывая социально-экономические противоречия Бразилии, советские авторы не упускали случая упомянуть то, что «автомобильная промышленность в Бразилии полностью принадлежит иностранному капиталу, а автобусные линии эксплуатируют частные компании». В вину американскому капитализму советские экономисты ставили и то, что в Бразилии не получили развития железные дороги: «в угоду американским автомобилестроительным корпорациям и нефтяным монополиям почти все железные дороги Бразилии были заброшены и пришли в упадок». Советские публицисты, с одной стороны, писавшие о Бразилии, охотно перечисляли преступления бразильского капитализма, связанное с «хищническим истреблением» лесов и уничтожением плодородных почв. Советские публицисты, которые писали о Бразилии, акцентировали внимание и на том, что к «бразильским богатствам тянут щупальца японские, голландские и английские монополии».

Помимо этого критиковались и «американские монополии», которые «успели протянуть свои щупальца» к природным богатствам Бразилии. Кроме этого, не могли они обойти вниманием и «законы буржуазной собственности», которые консервировали, по их мнению, социальное неравенство. С другой, они же развешивали социальные и политические ярлыки, используя советские клише. В частности, В. Соболев писал об одном из представителей бразильского господствующего класса начала 1980-х годов Азеведу Антунесе как о «владельце газет, пароходов». В книге того же В. Соболева мы находим и такое советское клише, перенесенное на Бразилию как понятие «помещичий дом». Не могли советские авторы не упомянуть и религиозный фактор, указав на богатое убранство католических соборов, которое контрастирует с «нищетой прихожан». В вину А. Антунесу советскими авторами ставилось и то, что он способствовал проникновению в Бразилию американского капитала, а описывая путь к успеху другого миллионера – Антониу Венансиу да Силвы – советские журналисты особое внимание акцентировали на том факте, что тот не умел писать.

Советские публицисты любили описывать нравы крупных землевладельцев, которые жестко эксплуатируют безземельных крестьян, используя их в качестве рабов и используя собственную полицию для ловли беглецов. Крайне негативно советскими публицистами оценивалась и экономическая политика военных, которые пришли к власти в результате военного переворота 1964 года. В. Соболев активно культивировал нарратив о ее классовом характере, связи военных с «западногерманскими» финансовыми кругами, сотрудничестве с амери-

канскими экономистами. В связи с этим В. Соболев особо акцентировал внимание на порочности «капитализма», подчеркивая, что «нет в капиталистическом мире более прочной цепи, чем та, которой должник прикован к кредитору».

В вину бразильским правящим кругам в 1980-е годы советскими публицистами, которые писали о Бразилии, ставили и то, что они не заботились о бразильцах, что, например, проявлялось в том, что «оставляет желать лучшего организация общественного транспорта». В глазах правоверного и ортодоксального советского публициста в этой политике были все признаки преступления. Что касается бразильских коммунистов и деятелей левого движения, особенно тех, которые придерживались просоветской ориентации и именовались советскими авторами «прогрессивной общественностью», то в советском популярном бразиловедении их образы идеализировались и им давались исключительно позитивные оценки. В частности, В. Соболевым гипертрофировано оценивалось значение событий 1934 года, связанное с восстанием Народно-Освободительного Альянса и попыткой создать «первое в Бразилии Народно-революционное правительство».

Подводя итоги настоящего раздела, во внимание следует принимать ряд факторов. По количественным показателям 1980-е годы следует признать продуктивными и успешными с точки зрения изучения бразильской проблематики. Именно в 1980-е годы вышли исследования и коллективные работы советских авторов, которые не только синтезировали и обобщали опыт предыдущих лет, но и предпринимали попытки применить уже сложившиеся идеологические схемы и клише для изучения максимально широкой тематики и проблематики. 1980-е годы стали временем не только прогресса, но и постепенного упадка советского бразиловедения. На протяжении 1980-х годов советские бразиловедческие исследования находились в состоянии излета. Вероятно, бразиловедение в позднем Советском Союзе в значительной степени развивалось по инерции, унаследованной от более раннего периода. Более того, бразиловедческие исследования развивались в рамках консервативной модели. Идеологическая монополия в сфере гуманитарного и общественного знания, которая существовала в СССР не позволяла советским бразиловедам выйти за те узкие рамки, которые были им установлены советской цензурой. Тем не менее, 1980-е годы стали наивысшей точкой в развитии советского бразиловедения, наследие которого продолжает использоваться и в современной российской латиноамериканистике.

Перспективы исследования. Подводя итоги настоящего краткого очерка советского бразиловедения, во внимание следует принимать

ряд факторов. В развитии советского бразиловедения, вероятно, следует выделять два этапа. Первый период связан с эпизодическими и несистемными попытками исследования Бразилии до создания Института Латинской Америки АН СССР. Второй этап связан с бразиловедческими исследованиями после официального признания латиноамериканистики и создания ИЛА АН СССР. На протяжении всего существования СССР изучение Бразилии практически никогда в число приоритетных задач советской латиноамериканистики не входило. Интерес к Бразилии – крупнейшей стране Южной Америки – системного характера, к сожалению, не имел. В количественном отношении число публикаций, посвященных Бразилии явно уступало числу исследований – монографий и статей – о других латиноамериканских государствах.

Вероятно, Бразилия, это латиноамериканский гигант, пребывала в тени своих непосредственных географических соседей и соседей в широком – языковом и социокультурном – планах. Негативную роль в этом отношении сыграл и фактор политической конъюнктуры – например, о Кубе и кубинской революции или о Чили, «чилийской революции» и «фашистском» режиме Аугусто Пиночета писать было выгоднее и в определенном плане (теоретически и методологически) легче, чем о Бразилии – история которой нередко ставила неудобные вопросы, ответы на которые могли оказать не менее неудобными и неприятными чем сами вопросы.

Примеров подобной негативной динамики развития бразиловедения в советский период немало: почему в Бразилии, на фоне соседних латиноамериканских республик, на протяжении более чем семидесяти лет существовала монархия, а сама страна развивалась как единственная Империя в Южной Америке? Или: почему Жетулиу Варгас смог второй раз прийти к власти, став избранным президентом, хотя первый период его правления позиционировался советскими исследователями как реакционная и фашистская диктатура, которая несла горе и несчастья бразильцам? Подобных вопросов – политически и идеологически неудобных – в советский период было немало и практически все они оставались без ответа. Несмотря на это советские исследователи прилагали немалые усилия для изучения бразильской проблематики. Завершая настоящее исследование, Автор считает необходимым остановиться как на важнейших особенностях (хотя речь об этом шла во Введении этой работы), так и о результатах в развитии бразиловедения к концу 1980-х – началу 1990-х годов.

Важнейшими и системообразующими особенностями советской версии бразиловедения были: идеологизация и политизация, связь

отечественного (до 1991 года) бразиловедения с политической конъюнктурой, оторванность советского бразиловедения от западной науки, оторванность советского бразиловедения от западной науки.

Идеологизация и политизация были просто неизбежны, будучи органически связанными с советской моделью организации знания. Эти проблемы были характерны для всей системы гуманитарного и общественного знания в Советском Союзе – исследования, посвященные Бразилии, интегрировались на этапе их создания в идеологически выверенный советский канон, выход за пределы которого был невозможен. В подобной ситуации в исследованиях, посвященных Бразилии процветало цитатничество, а выводы нередко были известны за ранее, намеренно и искусственно «подтягиваясь» к той или иной схеме, концепции и интерпретации.

Связь советского бразиловедения с политической конъюнктурой также не вызывает сомнений. Многие выводы и сама тематика исследований, посвященных Бразилии, диктовались политическими и идеологическими соображениями. В советский период изучение истории коммунистического и рабочего движения или же критика и разоблачение «буржуазной историографии» и «буржуазной фальсификаций» практически всегда гарантировали карьерный рост, если ученый, конечно, не отходил от норм, которые приписывались советской версией марксизма.

Оторванность советского бразиловедения от западной науки также была неизбежной. Хотя советским исследователям никто не запрещал читать незапрещенные работы западных авторов и даже иногда их цитировать – тем не менее, советское бразиловедение развивалось по иным законам, что существенно отличало его от аналогичных исследований, которые проводились на Западе и тем более в самой Бразилии; советские латиноамериканисты, в том числе и бразиловеды, были вынуждены западную историографию критиковать, а с «буржуазными» учеными полемизировать, что крайне негативно отразилось уже на постсоветской историографии, которой оказалось очень непросто приспособиться к новым изменившимся условиям.

Тематическая ограниченность бразиловедческих штудий в СССР также самым существенным образом влияла на развитие латиноамериканистики. Эта проблема в целом характерна для советских исторических исследованиях, которые касались истории, политической жизни или экономики капиталистических стран. В подобной ситуации информация тщательно дозировалась и, поэтому, существовали целые периоды и исторические явления, изучение которых в Советском Союзе было неудобным и нежелательным в силу политических и идео-

логических причин. Поэтому, при всей нелюбви советских историков ко всему монархическому в советский период не было создано обобщающих исследований, посвященных Бразильской Империи; или при всей идеологически поддерживаемой ненависти к фашизму – практически не изучался бразильский интегрализм, который в значительной мере выделялся на фоне других условно фашистских движений и не вписывался в рамки политически выверенной советской концепции фашизма как явления.

Но и в подобной ситуации советское бразиловедение имело свои достижения.

Во-первых, в советский период были созданы первые обобщающие исследования, посвященные истории Бразилии. Эти работы, хотя и несли в себе все родовые травмы советской историографии, тем не менее – советские латиноамериканисты получили тексты, посвященные истории Бразилии, где та излагалась линейно в соответствии с принятыми идеологическими нормами и канонами советской историографии.

Во-вторых, в советский период появились первые фундаментальные работы, посвященные социально-экономической истории Бразилии, в первую очередь – истории рабочего класса. Несмотря на значительную идеологизацию, исследования, посвященные истории рабочего класса важны в контексте трансформации марксизма в СССР и его приложения к историческим исследованиям.

В-третьих, в советский период были написаны и изданы комплексные исследования, в которых анализировалась история бразильской экономики. Подобные работы также отличались значительной степенью идеологизации – тем не менее, интересны как часть развития отечественной истории науки.

В-четвертых, в советский период началось изучение процессов экономической и политической модернизации, и хотя советскими историками сама теория модернизации отвергалась – они фактически занимались изучением процессов модернизации, анализируя особенности режима Жетулиу Варгаса и его преемников. Истории модернизации Бразилии в классическом виде в СССР не было создано – она облекалась в одеяния социально-экономической истории.

В-пятых, именно в советский период началось изучение военного фактора в политической истории Бразилии. Изучение армии началось в чисто прикладном контексте и стало попыткой выяснения, причин военного переворота 1964 года, но постепенно перешло за пределы этой чисто практической задачи, чем способствовало появлению

работ, которые сыграли немалую роль в генезисе советской, а позднее – и российской, политологии.

История бразиловедения до 1991 года – это неотъемлемая часть истории отечественной латиноамериканистики. Именно до 1991 года был заложен тот фундамент, который не только тормозил трансформационные процессы в российской латиноамериканистики 1990 – 2000-х годов, заставляя и вынуждая ее развиваться инерционно, но и позволил отечественным бразиловедам в постсоветской России изучать как традиционные, так и новые темы, связанные с историей Бразилии, бразильской политикой, экономикой и культурой.

¹ Хенкин С.М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии. 20 – 30-е годы XX века / С.М. Хенкин / отв. ред. Б.И. Коваль. – М., 1985. – С. 16.

² Забелина Т.Ю., Сосновский А.А. Бразилия до и после «чуда» / Т.Ю. Забелина, А.А. Сосновский / отв. ред. Б.И. Коваль. – М., 1986. – С. 10.

³ Thompson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers / D. Thompson // Encounter. – 1968. – Vol. 30. – No 6. – P. 27.

⁴ Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс. Рабочая политика бразильского правительства в 1930 – 1945 годах / Н.П. Калмыков / отв. ред. Б.И. Коваль. – М., 1981. – С. 35.

⁵ Забелина Т.Ю., Сосновский А.А. Бразилия до и после «чуда». – С. 11.

⁶ Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс. – С. 41, 42.

⁷ Хенкин С.М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии. – С. 17.

⁸ Хенкин С.М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии. – С. 151.

⁹ Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс. – С. 34.

¹⁰ Хенкин С.М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии. – С. 21.

¹¹ Бразилии: тенденции экономического и социально-политического развития / отв. ред. В.В. Вольский. – М., 1983. – С. 3.

¹² Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі / Р. Лінднер // Беларусіка / *Albaruthenica*. – Мн., 1997. – Т. 6. – Ч. 1. – С. 118.

¹³ Глинкин А.Н. Основные этапы исторического пути / А.Н. Глинкин // Бразилия: тенденции экономического и социально-политического развития. – С. 5 – 6.

¹⁴ Глинкин А.Н. Основные этапы исторического пути. – С. 7.

¹⁵ Караваев А.П. Генезис капитализма в Бразилии / А.П. Караваев // Бразилия: тенденции экономического и социально-политического развития. – С. 57.

¹⁶ Караваев А.П. Генезис капитализма в Бразилии. – С. 55.

¹⁷ Глинкин А.Н. Основные этапы исторического пути. – С. 9.

¹⁸ Подробнее см.: Мишин С.С. Процесс концентрации капитала в Бразилии / С.С. Мишин. – М., 1972.

¹⁹ О советском восприятии развития капитализма в Бразилии в 1970-е годы см. подробнее: Носова Л.С. Государственный капитализм в Бразилии / Л.С. Носова. – М., 1971.

²⁰ Караваев А.П. Капитализм в Бразилии: прошлое и настоящее / А.П. Караваев / отв. ред. В.В. Вольский. – М., 1987. – С. 16 – 38.

²¹ Караваев А.П. Капитализм в Бразилии: прошлое и настоящее. – С. 41.

²² Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс. – С. 77.

²³ Хенкин С.М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии. – С. 67, 76.

²⁴ Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс. – С. 144.

²⁵ Хенкин С.М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии. – С. 82.

²⁶ Селиванов В.Н. Культура колониальной Бразилии / В.Н. Селиванов // Культура Бразилии / отв. ред. В.А. Кузьмищев. – М., 1981. – С. 11 – 24.

²⁷ Беляев В.П. Образование и проблема подготовки кадров специалистов / В.П. Беляев // Культура Бразилии / отв. ред. В.А. Кузьмищев. – М., 1981. – С. 25 – 44.

²⁸ Гутерман В.С. Творческий путь Жоржи Амаду / В.С. Гутерман // Культура Бразилии / отв. ред. В.А. Кузьмищев. – М., 1981. – С. 85 – 100.

²⁹ Субучус Б.Ю. Из истории бразильской литературы / Б.Ю. Субучус // Культура Бразилии / отв. ред. В.А. Кузьмищев. – М., 1981. – С. 61 – 84.

³⁰ Мартынова Е.И. Природные ресурсы и территориально-региональное развитие / Е.И. Мартынова // *Бразилии: тенденции экономического и социально-политического развития*. – С. 17.

³¹ Тихонов Г.С. Военный переворот 1964 года и «бразильская модель» социально-экономического развития / Г.С. Тихонов // *Бразилии: тенденции экономического и социально-политического развития*. – С. 67.

³² Шокина И.Е. Социально-классовая структура бразильского общества / И.Е. Шокина // *Бразилии: тенденции экономического и социально-политического развития*. – С. 46.

³³ Кучеров В., Петров Г. Жангада поднимает парус. Очерки о современной Бразилии / В. Кучеров, Г. Петров. – М., 1984. – С. 80 – 85.

³⁴ Соболев В. Самба о несбывшейся надежде / В. Соболев. – М., 1981. – С. 34 – 35.

³⁵ Соболев В. Самба о несбывшейся надежде. – С. 57.

³⁶ Кучеров В., Петров Г. Жангада поднимает парус. – С. 43.

ЕВРОПЕЙСКО-ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Мацек **ВИШНЕВЬСКИ**

ВАЛЕНСА И ЛУЛА: конец сравнений*

Встреча бывшего президента Польши (1990 – 1995) – лауреата Нобелевской премии мира 1983 года – и его бразильского коллеги (2003 – 2010) состоялась в Гданьске – именно там, где в начале 1980-х годов Валенса возглавил забастовки, которые привели к появлению первого независимого профсоюза в странах советского блока.

Хотя оба национальных лидера имеют одинаковое происхождение — являются выходцами из небогатых семей, рабочими по специальности, руководителями профсоюзов, которые боролись против диктатур — отличия между их странами не так-то просто определить с первого взгляда.

Как подчеркнул ведущий бразильский экономист и политолог один из теоретиков «зависимого развития» Теотониу Душ Сантуш, определяющие векторы политического развития Восточной Европы и Латинской Америки, оказались прямо противоположными: если в Польше синонимами свободы стали капитализм и «свободный рынок», то в Бразилию «свободный рынок» пришел с диктатурой, а свободу там нашли только с социализмом.

В 1980-х гг. Лула восхищался Лехом Валенсой. Тогда он сравнивал себя с Валенсой: в те времена даже простая фотография рядом со звездой независимого профсоюзного движения имела крайне важное значение для успеха борьбы Лулы. И вот они встретились. Однако оказалось, что Валенса стремился уничтожить коммунизм, а Лула – создать его. Расстались без каких-нибудь симпатий.

Вместе с тем, когда в 1985 году диктаторский режим в Бразилии пал, Валенса отправил своему коллегии по международному профсоюзному движению теплые приветствия. Зато уже в 1989 году, как только Польша вошла в «семью демократических стран», лидер «Со-

* Публикуется по: **Вишневський М.** Валенса і Лула: кінець порівнянь / М. **Вишневський.** – (<http://vpered.wordpress.com/2012/01/30/wisniewski-walesa-y-lula/>). Перевод с украинского языка М.В. Кирчанова.

лидарности» начал указывать на, что сам он президентом стал, а вот Лула – нет.

К сожалению, такое радикальное изменение в социальном статусе стало чревато очень грустными последствиями для Валенсы: будучи у власти он моментально потерял все свои достоинства. Благодаря индивидуализму, высокомерию и склонности к конфликтам Валенса провалился на следующих выборах и вошел в историю страны как один из наиболее непопулярных политиков.

В экономической области Валенса стремился реставрировать капитализм. Его вера в саморегулирующийся рынок и мантры в духе «неравенство является полезным для экономики» были типичными для эпохи «конца истории».

Да, население страны, что с головой погрузилась в переживание постсоциалистической травмы, уже не оказывало сопротивления ни началу широких неолиберальных реформ, ни «шоковой терапии». Но мерилom успешности этих реформ стала, в частности, маргинализация профсоюзов. Благо они, как сознавался позднее Валенса, «были полезными для свержения коммунизма, но оказались неуместными при капитализме».

Он отказался от борьбы за интересы трудящихся и взялся защищать потребности капитала, в процессе их обслуживания похоронив все, что могло напоминать о рабочей солидарности. Итог был вполне предсказуемым: катастрофический рост неравенства, деиндустриализация страны, огромная безработица и подчинение Польши, как периферии, глобальной капиталистической системе.

Когда в том же 1989 году Душ Сантуш говорил своим коллегам в Польше и Венгрии «добро пожаловать в экономическую отсталость», они только и могли, что пожимать плечами, ничего не понимая...

Оказавшись без работы, Валенса учредил фонд собственного имени и посвятил себя личному обогащению и саморекламе. Он превратился в наемного болтуна и «советника» тех, кто был готов заплатить побольше.

Наиболее показательно это проявилось в июле 2005 года, на праздновании в честь мексиканского президента Висенте Фокса, где Лех Валенса не забыл пощеголять своим кредо: «использование демократии зависит от толщины чековой книжки». Позднее Валенса смог и распродать сеть магазинов, которая завоевала плохую славу массовыми нарушениями прав трудящихся.

Путь Лулы к президентству был намного более сложным. Однако, придя к власти, он показал, что содержание демократии и сущность капитализма можно представлять иначе. И что даже при всей ограни-

ченности существующего общества можно бороться с капитализмом ради демократии. Тем самым Лула поставил под вопрос неолиберальные догмы своего предшественника Фернанду Энрики Кардозу (заметим, что Теотониу Душ Сантуш – непримиримый критик теории «преемственности» между Кардозу и Лулой).

Лула не скрывал, что главную проблему капитализма и демократии он видит в неравенстве – и посвятил свою деятельность борьбе с ней. Тем самым, он не только помог миллионам своих сограждан вырваться из бедности, но и заложил основы экономического развития страны.

Весьма своеобразная похвала со стороны Кардозу («Лула это – Валенса, который засучил рукава») стала признанием достижений бразильского президента. Вот только с того времени пути Лулы и Валенсы совсем разошлись и, как заметил Душ Сантуш, «они стали несравнимы».

Да, политика Лулы не была свободной от противоречий. Но, в отличие от Валенсы, он никогда не выпускал из сферы своего внимания интересы рабочего класса и не отказывался от своих политических обязательств перед ним. Именно благодаря этому до конца своего второго президентского срока Лула пришел с популярностью, которая превышала 80%.

Теперь, в попытке возродить прежнее подобие и постфактум примазаться к чужим достижениям, уже Валенса начал восхищаться Лулой. Но даже и теперь – горбатого могила исправит – признание Валенсой собственных ошибок и правоты Лулы относительно капитализма звучало несколько апокалиптически.

И не подлежит сомнению тот факт, что Валенса потерял последний шанс сравняться с Лулой.

НОВЫЕ КНИГИ

Максим КИРЧАНОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БРАЗИЛЬСКОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННОЙ МАРКСИСТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ*

В развитии экономической науки и смежных с ней общественных и гуманитарных дисциплин в Бразилии (а также в Латинской Америке в целом) особую роль играли интеллектуалы, которые испытали значительное влияние со стороны левых политических идей или сами являлись видными участниками коммунистического или социалистического движения. Анализируя эволюцию экономической теории в Бразилии, во внимание, вместе с тем, необходимо принимать и то, что бразильская левая мысль в значительной степени отличалась от советских аналогов, которые определяли направление и векторы развития отечественной экономической науки на протяжении существования СССР.

Бразильские левые интеллектуалы имели несравнимо больше возможностей для интеллектуального маневра, для них практически не существовало идеологических табу. Бразильские экономисты левой ориентации были представителями творческого марксизма, а их деятельность была направлена на переосмысление привнесенного из Европы марксизма, его адаптацию к латиноамериканской и бразильской специфики. Отсутствие излишней идеологизации, политической ангажированности, свободное сосуществование различных теоретических и методологических подходов привело к тому, что после, как казалось в начале 1990-х годов, исторического поражения марксизма на фоне распада СССР, концепции, условно определяемые как марксистские или неомарксистские в Бразилии не только не исчезли, но и продолжили свое дальнейшее развитие.

На протяжении второй половины XX века и в современной Бразилии левые экономисты играют особую роль в функционировании

* Настоящий текст является переработанным разделом из книги М.В. Кирчанова «Национализм, этатизм, модернизация: интеллектуальная история Бразилии XX – начала XXI века», которая готовится к печати в 2012 году ИПЦ «Научная книга» (г. Воронеж). На момент сдачи в печать настоящего номера рукопись находится в Издательство и из печати не вышла.

интеллектуального сообщества. В XX столетии экономическая наука в Бразилии развивалась чрезвычайно динамично. Комментируя это поступательное движение вперед известный бразильский экономист и социолог Луис Вернек Виана (соединивший, по словам Марии Эллис Резенди ди Карвальу, «исторические и нормативные аспекты знания и действия, что было очень успешно для привлечения в социальные науки новых поколений»¹) подчеркивал необратимость тех перемен, которые произошли в экономическом знании: «это просто ужасно, если у науки нет возможности повернуть назад»². В подобной ситуации бразильские интеллектуалы оказались заложниками этой, казалось бы, позитивной динамики в развитии экономической науки, которая поставила ее в зависимость в большей степени не от качества выполняемых исследований, а от их количества.

Генетически современные левые течения в бразильской экономической науке связаны с классическими исследованиями таких авторов XX века как Жилберту Фрейри, Кайу Праду Жуниор, Сержиу ди Буарки Холанда и Цельсу Фуртаду. Именно с деятельностью этих авторов связывается утверждение и формирование уникального кода характерного для бразильской экономической науки. По мнению современного бразильского экономиста Фернанду Перлатту³, появление собственно бразильской экономической науки связано с развитием независимой Бразилии в период Империи, когда утвердилась твердая связь теоретических исследований с попытками применения тех или иных концептов для решения конкретных социально-экономических проблем страны.

По мнению некоторых бразильских авторов⁴, экономические исследования в стране переживают не самые лучшие времена, так как имеет место эрозия ценностей и размывание существовавших ранее этических и нравственных ориентиров, в том числе – и в экономической науке. Бразильский экономист и географ Антониу Карлуш Роберт ди Мораиш⁵ полагает, что современные общественные и гуманитарные науки в Бразилии столкнулись с «некритическим импортом теорий», то есть активным проникновением концептов, созданных за пределами Бразилии, отличающихся значительным адаптивным потенциалом и поэтому становящимися популярными и востребованными в бразильской экономической науке без должного переосмысления и интерпретации. Бразильская исследовательница Мария Лусия Тейшейра Вернек Виана⁶ подчеркивает, что для многих методологических исследований, посвященных бразильской экономике, характерно размывание границ между теорией и реальностью, что не оказывает позитивного влияния на качество работ по экономике, делая их ото-

рванными от реальной экономической жизни. Другой исследователь Ф. Масиэл⁷ указывает на то, что «методологический релятивизм», который доминировал в экономических исследованиях в значительной степени содействовал не только фрагментации собственно экономического знания, но и определенному кризису идентичности, что выразилось в распаде единого образа Бразилии в национальном и историческом воображении, на смену которому пришло несколько Бразилий, изучение экономики и социальных проблем которых ведется в разных системах методологических координат.

Современные левые экономисты в Бразилии полагают, что развитие социальных и экономических наук в стране самым тесным образом связано с т.н. «пассивной революцией». Начало «пассивной революции» Мария А. де Карвальу⁸ предлагает датировать началом 1970-х годов, что связано со значительными изменениями, которые на том этапе переживала экономическая наука. Утверждение новых тенденций в экономическом анализе было связано с ревизией более ранних теорий становления, утверждения и развития капитализма в Бразилии. Именно в 1970-е годы в научном сообществе наметился отказ от идеологически выверенных интерпретаций капитализма: бразильскими экономистами было признано то, что появлению капитализма не всегда предшествуют революционные процессы, а утверждение капитализма не ведет к утверждению политического господства буржуазии. Подобна методологическая ревизия, проведенная бразильскими экономистами левой ориентации, не означала отказа от веры в историографические авторитеты: работы В.И. Ленина и других более поздних теоретиков (А. Грамши) продолжали оказывать существенное влияние на развитие экономического знания.

Вероятно, будет вполне корректным предположить, что теоретически и методологически современные левые течения в бразильской экономической науке связаны с наследием двух экономистов и социологов – Жилберту Фрейри и Цельсу Фуртаду. Жилберту Фрейри – одна из центральных и ключевых фигур в интеллектуальной истории Бразилии XX века⁹. Фактически прижизненное утверждение фрейрианской парадигмы в гуманитарном знании в Бразилии и, по мнению современного исследователя Раймунду Сантуша¹⁰, активная деятельность Жилберту Фрейри в деле развития социальных и экономических наук позволила выйти на качественно новый этап экономического знания, в частности – политической экономии. Именно благодаря деятельности Ж. Фрейри в последней стали доминировать интерпретации, основанные на принятии тесной связи политики и экономики в контексте модернизации.

Современный экономист Мишель Зайдан Фильу полагает, что именно Жилберту Фрейри принадлежит заслуга утверждения дискурсивного анализа в изучении бразильской экономики, что позволило поднять экономическую науку на качественно новый этап, перейти от чисто описательных и количественных работ к комплексному анализу, который учитывал культурные, социальные и собственно экономические факторы в истории бразильской экономики. По мнению М.З. Фильу среди заслуг Ж. Фрейри – качественно новая интерпретация экономики, основанная на синтезе идей регионализма и модернизма вкупе с «фетишизацией культурных особенностей», характерных для Бразилии, но до этого, как правило, не принимаемых во внимание исследователями¹¹. Современные бразильские экономисты полагают, что именно благодаря деятельности Ж. Фрейри экономика Бразилии стала восприниматься в качественно ином контексте не просто как экономика, представленная теми или иными экономическими институтами и связанными с ними процессами, но как «символически-культурная экономика». Жилберту Фрейри содействовал утверждению понимания экономики как сложного комплекса не только факторов связанных не только с производством и потреблением материальных благ, но и стоящими за экономическими процессами социальных и культурных ролей.

Помимо Жилберту Фрейри особое внимание со стороны современных экономистов левой ориентации привлекает и научное наследие Цельсу Фуртаду, в основе которого лежит синтез позитивизма, марксизма и американской антропологии¹². По мнению Дениша Бернардиша и Маркоша Кошты Лимы¹³, Цельсу Фуртаду стал одной из центральных фигур в истории бразильской экономической мысли потому, что теоретически подготовил условия для перехода Бразилии к качественно новой экономической политике, которая позволила стране «порвать с доминировавшим международным разделением труда» и предпринять меры, направленные на ликвидацию нищеты и преодоление отсталости.

Бразильская исследовательница Вера Алвеш Цепеда полагает, что Цельсу Фуртаду является одной из наиболее противоречивых фигур в бразильской интеллектуальной истории XX века – автором, идеи которого успели стать классическими и повлияли на становление нескольких поколений экономистов и ученых, вынужденным в 1990-е годы подвергнуть многое из ранее написанного и опубликованного значительной ревизии¹⁴. Бразильские экономисты полагают, что несмотря на определенную близость к левым и в целом антикапиталистические идеи, характерные для работ Цельсу Фуртаду, экономист

фактически создал условия для утверждения в 1990-е годы «неолиберальной матрицы» в бразильской экономической науке, так как занимался изучением той же проблематики, что и неолибералы, пытаясь ответить на вопрос, почему неравномерный характер развития мировой торговли, наличие многочисленных препятствий на пути технического прогресса, различные экономические политики и стратегии не могут быть преодолены ни в рамках рыночной экономики, ни при помощи государственной экономики.

Именно с деятельностью Ц. Фуртаду связывается утверждение девелопменталистского подхода в экономической науке и возникновение сравнительного анализа, основанного на изучении латиноамериканской и бразильской специфики в более широком контексте экономики Запада. В число заслуг Ц. Фуртаду ставят и то, что именно он стал зачинателем в рамках бразильской экономической науки изучения взаимосвязи участия государства в управлении экономикой с внешними факторами. Среди достоинств концепции Ц. Фуртаду бразильскими экономистами называется и попытка проанализировать процесс постепенного размывания экономики Бразилии как национальной, ее интеграцию в мировую экономику. Особо бразильские экономисты подчеркивают и то, что до официального появления неомарксизма и мир-системного анализа И. Валлерстайна Цельсу Фуртаду в своих исследованиях оперировал понятиями, связанными с центром, периферией, полупериферией, зависимостью и т.п.

Помимо Ж. Фрейри и С. Фуртаду особое внимание современными экономистами уделяется научному наследию Кайю Праду Жуниора. Именно с его деятельностью связывается утверждение непосредственной связи и взаимозависимости экономической науки от политической ситуации. Марку Антониу Коэльу¹⁵ в связи с этим подчеркивает, что именно Кайю Праду Жуниор, теоретические и методологические принципы которого в отношении экономики как науки сформировались под сильнейшим влиянием европейского марксизма, полагал, что экономическая наука должна иметь не только теоретическое измерение, но и активно использоваться для борьбы за улучшение социальной и экономической ситуации в стране. При этом в современной бразильской экономической науке идеи К. Праду Жуниора подвергаются ревизии: в частности, критикуется его восприятие режима Жуселину Кубичека, который рассматривался им как прислужник иностранного капитала. Современные экономисты, признавая в принципе важность и актуальность работ К. Праду Жуниора для 1960-х годов, полагают, что столь ортодоксальные оценки и интерпретации в большей степени были продиктованы политическими соображениями

ученого, связанного с Коммунистической партией и слабо соотносилось с политическими и экономическими реалиями Бразилии.

Анализируя фактор существования левого сегмента в научном сообществе в целом и его влияния на экономическую науку в частности, во внимание следует принимать не только значительную степень интеллектуального влияния, но и определенную маргинальность, характерную для левых экономистов. Маргиналами они стали благодаря своей последовательности, что, по мнению Паулу Морейры Лейти¹⁶, сделало их чуждыми в одинаковой степени для левых и правых режимов. Тем не менее, весомый вклад в интеллектуальную историю экономической мысли Бразилии со стороны левых экономистов не вызывает сомнений.

Изучая экономическую историю Бразилии XX века, экономисты особое внимание уделяют проблемам недемократического опыта и той роли, которую сыграли авторитарные режимы в модернизации страны. Большинство левых экономистов (в частности, Лусиану Оливейра¹⁷) признают, что начало активной модернизации экономики было положено в 1930 году в связи с приходом к власти Жетулиу Варгаса. Несмотря на недемократический и в определенной степени антилевоый характер политики Ж. Варгаса, левыми экономистами не ставится под сомнение то, что его политика имела и положительные последствия для развития бразильской экономики. С другой стороны, рассматривая военный режим, существовавший со второй половины 1960-х годов, бразильские левые интеллектуалы не столь категоричны в определении его позитивной роли, подчеркивая, что военные ответственны не только за экономические реформы, но и за нарушение прав человека.

Особое внимание левыми бразильскими экономистами уделяется экономической истории в ее связи с социальной. Именно поэтому значительный интерес с их стороны привлекает история бразильского рабочего класса. Современные левоориентированные интерпретации истории бразильского пролетариата характеризуются попытками и стремлением провести ревизию старых, преимущественно идеологически выверенных версий исторического развития рабочего класса. В частности, в 2000-е годы были предприняты попытки пересмотреть роль анархистских организаций в истории рабочего движения. Мишель Зайдан Фильу¹⁸, например, указывает на необходимость расширения возможного числа интерпретаций истории бразильского рабочего класса, стремясь, тем самым, выйти за рамки исключительно экономических или социальных объяснений и трактовок.

Значительное внимание левые интеллектуалы в современной Бразилии уделяют тем проблемам и препятствиям, с которыми сталкивается бразильская экономика. Большинство сторонников марксистской интерпретации экономических процессов указывает на фактор экономической отсталости Бразилии от экономик развитых стран. Эта отсталость на протяжении бразильской истории имела самые различные формы и изменения. Бразильский экономист Луис Эдуарду Соариш полагает, что одним из важнейших факторов, содействующим сдерживанию экономического роста, является дефицит безопасности, с которым сталкивается практически любое бразильское правительство¹⁹. Безопасность Бразилии, как полагает Л.Э. Соариш, страдает в первую очередь от проблем, связанных с насилием.

Насилие, в свою очередь, позиционируется им как следствие значительного числа социальных проблем, социального расслоения и классовых противоречий в рамках современного бразильского общества²⁰. Безопасность Бразилии, по мнению Л.Э. Соариша, уязвима в силу наличия значительного числа нерешенных социальных проблем, которые содействуют как росту бедности, так и являются стимулирующим фактором для ухудшения криминогенной ситуации в стране²¹. Среди факторов, которые тормозят экономическое развитие Бразилии, особое место принадлежит многочисленным аграрным проблемам, связанным как с перенаселением, так и наличием значительного числа бразильцев, лишенных возможности пользоваться земельными ресурсами. В связи с этим Луис Вернек Виана констатирует значительный интерес со стороны интеллектуалов, ставших порождением городской культуры, к аграрной проблематике.

Луис Вернек Виана полагает, что качественно новый этап в изучении аграрной экономики возник на волне роста левых настроений в 1950 – 1960-е годы, когда левоориентированные экономисты именно в изучении аграрного вопроса и «аграрного мира» были склонны искать новые «пути к революции», вдохновляемые в значительной мере примером русской истории, в особенности – народнического движения²². Несмотря на то, что Бразилия «добилась значительного прогресса в сокращении бедности и неравенства, стимулировании экономического роста и в укреплении демократии»²³, Л.Э. Соариш указывает на то, что экономическая ситуация в Бразилии не является идеальной. Это связано с неравномерным развитием Бразилии, значительными социальными и экономическими диспропорциями и противоречиями, которые возникли в результате того, что «модернизация элит» фактически никак не отразилась на «социальной структуре страны», не затронув, главным образом, аграрную периферию.

Ситуация была более чем парадоксальной, если принять во внимание то, что именно аграрный сектор на протяжении длительного времени занимал ведущие позиции в бразильской экономике. Историческое поражение аграрного сектора было связано с политическим триумфом «гражданских элит, которые стремились установить гегемонистский контроль над сельскохозяйственным экспортом»²⁴, что привело к росту зависимости бразильской экономики от внешнеэкономической конъюнктуры. Именно с подобными метаморфозами исторического и экономического развития Бразилии бразильскими экономистами и связывается большинство проблем, имеющих отношение, в том числе, и к экономической безопасности страны. Безопасность Бразилии, как полагает Л.Э. Соариш, уязвима и в силу существования в стране неравного доступа как к ресурсам, так и к социальным лифтам, в первую очередь – к образованию, что содействует консервации существующих социальных и экономических проблем.

По мнению левых бразильских экономистов в отставании Бразилии особую роль играют факторы периферийности и зависимости. Бразильский экономист Фабрисиу Масиел подчеркивает, что в Бразилии периферийный статус отягощен и проблемами национализма, становления национальной идентичности, активизации национального чувства перед вызовами как социальной несправедливости, так и глобального капитализма²⁵. Формой развития национализма в Бразилии, как полагают экономисты марксистской ориентации, на фоне постепенно глобализирующейся экономики и доминирования тенденции к размыванию границ является отказ государства от полного перехода к либеральной модели, сохранение значительной роли в решении социальных и экономических проблем. В этом отношении Бразилия как актер международных отношений в целом и международных экономических отношений в частности неизбежно действует как коллективный националист потому, что вынуждено решать проблемы и противоречия, возникшие не в Бразилии, а под влиянием внешних акторов, которые не учитывают национальные бразильские отношения. В рамках подобной интерпретации международные экономические отношения превращаются в противостояние различных национализмов, с одной стороны, развивающихся, и, с другой, развитых экономик.

Бразильский географ и экономист Антониу Карлуш Роберт ди Мораиш указывает на то, что Бразилия испытывает немалые трудности с интеграцией в мировую экономику²⁶. Эти трудности связаны с постепенным процессом размывания культурных, политических и экономических границ в постоянно глобализирующемся мире. С дру-

гой стороны, сложности бразильской интеграции в мировой рынок связаны и с периферийным статусом экономики Бразилии, которой сложно конкурировать с экономиками США, Китая и Европейского Союза. Антониу Карлуш Роберт ди Мораиш указывает и на то, что в современной глобальной экономике исчезают старые географические понятия «центр» и «периферия». По мнению бразильского экономиста, их содержание размывается, а на смену им приходит концепция *centerlessness* – мира без центра. С другой стороны, ее появление бразильскими авторами связывается с географическим и экономическим воображением самого центра мировой экономики (США), который используя ее, стремится закрепить свое влияние на периферийные экономики, прикрываясь лозунгами глобализации.

Наряду с этими проблемами не последнюю роль в замедлении темпов развития Бразилии, по мнению Л.Э. Соариша²⁷, играет насилие, связанное со значительной консервативностью бразильского общества, наличием большого числа неформальных факторов, которые не только делают неэффективными и фактически неработающими формальные институты и социальные лифты, но и существенно ограничивают возможности вертикальной мобильности для представителей наименее защищенных групп бразильского общества. Другим немаловажным фактором, по мнению бразильского экономиста, следует признать историческое наследие, которое проявляется в непоследовательном соблюдении и реализации прав и свобод человека, сохранении неформальных механизмов в принятии экономических и политических решений.

Развитие неформальной экономики отягощено и существованием значительного числа классовых и социальных противоречий, которые нередко имеют и расовые корни. Большинство этих проблем современная Бразилия унаследовала от своей истории, отягощенной расовыми и социальными противоречиями, хотя последние были не столь остры и очевидны, как, например, в США. Тем не менее, бразильскими интеллектуалами признается, что осознание существования этих проблем доставляло немало беспокойства экономистам и социологам в прошлом. Причем степень беспокойства была столь велика, а его корни так глубоки, что у бразильского научного сообщества возник почти болезненный интерес (в некоторой степени – зависимость) от западных интерпретаций экономических проблем.

Благодаря наличию этого комплекса если не неполноценности, то ущемленности, бразильские интеллектуалы почти уверовали в то, что единственной панацеей от существующих социально-экономических проблем будет последовательная трансформация Бразилии с соответ-

ствии с теми моделями, которые оказались успешны в Западной Европе и в Северной Америке. Поэтому, современные экономисты Фр. Боску и Ж. Рейш ди Менезеш констатируют, что на протяжении длительного времени бразильские интеллектуалы верили в необходимость «порвать с колониальным прошлым... и запрыгнуть в первый вагон современности... и социальной революции»²⁸. В этом отношении Бразилия в целом и бразильская экономика в частности являются классическими примерами форсированной модернизации той страны, которая к столь радикальным переменам оказалась не готова.

Вероятно, именно поэтому левые течения в экономической бразильской теории оказались чрезвычайно устойчивыми, даже перед лицом внешних вызовов, связанных с «падением Берлинской стены, крахом реформ М. Горбачева и капитуляцией Кремля перед капитализмом»²⁹. На этом фоне бразильское интеллектуальное сообщество на протяжении 1990 – 2000-х годов оставалось не только едва ли не самым левым, но и самым методологически прозападным в Латинской Америке. Подобные настроения и социальный оптимизм бразильского общества оказался не более чем иллюзией, а попытки форсированной модернизации и переноса на бразильскую почву западных моделей социального и экономического развития и роста оказались неудачными. Причиной этой неудачи стало отторжение нового преимущественно традиционным обществом, для которого неформальные формы развития экономики и ее функционирования были более понятны, чем те формализованные институты и процедуры, к созданию и насаждению которых приложили в XX веке руку почти все бразильские политики от Жетулиу Варгаса до Инасиу Лулы да Силвы.

В этом контексте особое внимание бразильскими экономистами уделяется политике военного режима, установленного в 1964 году. Луис Вернек Виана указывает на то, что политика военных носила в целом модернизационный характер и была направлена на решение сложившихся ранее проблем, в том числе – в аграрном секторе³⁰. Именно с военным режимом связаны попытки по внедрению аграрного законодательства, переселением крестьян из неблагополучных районов, первыми инфраструктурными проектами. Ситуация осложнялась и тем, что модернизация аграрного сектора сочеталась с «промышленной модернизацией», которая не оправдала возлагаемых на нее надежд, так как не привела к значительному оттоку населения из аграрных районов в города и не содействовала смягчению социальных противоречий. Все благие начинания бразильских реформаторов сталкивались с крайне сложно и медленно изменяемым наследием, кото-

рое было отягощено многочисленными социальными и экономическими проблемами.

Именно поэтому, конкретизируя существующие социально-экономические проблемы в Бразилии, Л.Э. Соариш указывал на сомнительное преимущество обладания третьим местом в мире по... ежегодному росту численности населения, отбывающего тюремное заключение за совершенные преступления. Столь сомнительный статус Бразилии, по словам Л.Э. Соариша, связан с крайне неэффективной работой полиции, которая в состоянии раскрыть только 8 % из ежегодно совершаемых преступлений. «Прошлое до сих пор преследует нас»³¹, – подчеркивает Л.Э. Соариш, указывая на исторически сложившийся характер большинства современных социальных и экономических проблем в Бразилии и, как следствие, невозможность их решения путем косметических мер и точечных социальных программ, которые не отражаются на развитии бразильской экономики в целом и не могут ликвидировать стойкие к внешним воздействиям элементы или рецидивы «авторитарной культуры», насаждавшейся недемократическими режимами в XX веке.

Современное положение бразильской экономики, как полагает Л.Э. Соариш, отличается наличием значительного числа нерешенных проблем («недостаточная заработная плата, нечеловеческие условия труда... отсутствие психологической поддержки и постоянные дисциплинарные кодексы, выдержанные в средневековом духе»³²), истоки которых он склонен видеть во всемогуществе транснациональных корпораций и крупных местных игроков, которые срослись с политическими классами. Ситуация в Бразилии, как полагает Лусиу Флавиу Пинту³³, отягощается и крайне неравномерным доступом к казалась бы открытой информации, что автоматически отсекает значительный процент бразильцев от реализуемых и планируемых социальных программ, существенно ограничивая возможности и самого государства в деле решения социальных проблем: сложно заниматься их решением в стране, где определенная часть общества не имеет доступа к информации, но фактически оказывается не в состоянии ее извлечь, хотя уровень неграмотности в Бразилии в последние годы XX века и на протяжении 2000-х годов сократился, но при этом продолжает оставаться значительным.

При этом Л.Э. Соариш полагает, что изображать современную Бразилию как некое подобие «первой республики» (основанной на отношениях патернализма и клиентализма, сращивании различных политических и экономических групп, безусловном доминировании олигархии, коррупции и т.п.) будет упрощением и схематизацией. При

этом бразильские экономисты (в частности Л.Ф. Пинту³⁴) признают наличие значительного количества экономических проблем в стране, связанных с тем, что на протяжении длительного времени доминировала экономика монокультуры, которая имела преимущественно экспортноориентированный характер. Это привело к зависимости от внешних факторов, сделав бразильскую экономику чрезвычайно уязвимой, в частности – от мировых колебаний цен на ресурсы, в первую очередь – на нефть. По мнению Л.Э. Соариша, смещение акцентов в государственной политике в пользу большего внимания вопросам безопасности, реформе полиции и системы исполнения наказаний может оказать значительное влияние на экономическую ситуацию, превратив страну в более привлекательную как для национальных, так и для иностранных инвесторов.

С другой стороны, реализация подобного сценария развития Бразилии представляется маловероятным, что связано с отсутствием компромисса в обществе, которое не в состоянии выработать общие национальные (а не классовые, точнее – корпоративные) приоритеты развития. Особое внимание бразильскими экономистами левой направленности уделяется проблемам преемственности экономической политики различных бразильских президентов. Бразилиу Салум Жуниор, анализируя политику Фернанду Энрики Кардозу и Лулы да Силвы, подчеркивает, что оба президента в выработке экономической политики стремились придерживаться тактики последовательного и поступательного развития. Комментируя приверженность бразильских политиков девелопменталистской парадигме Б. Салум Жуниор подчеркивает, что «я считаю, что девелопментализм вновь стоит на повестке дня, но повестка дня не ограничивается исключительно девелопментализмом»³⁵. Оба президента (Ф.Э. Кардозу и И.Л. да Силва), несмотря на принадлежность к различным политическим партиям, фактически руководствовались нелиберальными стратегиями проведения экономической политики, стремясь поддерживать как стабильность, так и поступательное развитие бразильской экономики, несмотря, по определению Б. Салума Жуниора, приверженность к двум «разным мантрам» – вере в «баланс государственных финансов» (последовательные либералы) и необходимость «государственных инвестиций» (либеральные девелопменталисты). Именно выбор подобной модели развития привел к тому, что в 2000-е годы Бразилия столкнулась со значительными сложностями в деле проникновения на внешние рынки, будучи не в состоянии конкурировать со своими более развитыми партнерами.

Бразилия, как самая крупная страна Латинской Америки и как наиболее динамично развивающаяся экономика, оказалась в более благоприятном положении, чем другие страны региона, но столкнулась в значительной степени с аналогичными проблемами. Бразильский экономист Бразилиу Салум Жуниор полагает, что процессы перехода к демократии и более открытой экономики переживают практически все страны латиноамериканского региона, но в Бразилии (в силу ее специфики) проблемы транзитной экономики заметны в наибольшей степени³⁶. Б. Салум Жуниор полагает, что Бразилия была среди первых стран Южной Америки, где начались глубокие социальные и экономические перемены, начало которым было положено Жетулиу Варгасом в 1930 году. Сравнивая экономические стратегии Жетулиу Варгаса и одного из его наиболее отдаленных политических наследников – Фернанду Энрики Кардозу. Б. Салум Жуниор полагает, что первый придерживался своего рода институционалистской стратегии развития, стремясь в рамках модернизации создать стабильно работающие институты, что было невозможно без доминирования в экономике государства.

Ф.Э. Кардозу, по мнению Б. Салума Жуниора, наоборот, придерживался деинституциональной стратегии, в большей степени ориентируясь на рынок и веря в его способность к саморегуляции. Именно поэтому Бразилия 1990-х годов пережила процесс денационализации экономики, который сопровождался борьбой бизнес-сообщества с практикой государственного интервенционизма, призывами к последовательному дерегулированию экономики. Последующая смена политических элит и приход к власти левых во главе с Инасиу Лулой да Силвой левыми бразильскими экономистами оценивается как явление положительного плана, но изменения 1990-х годов, тем не менее, осознаются как необратимые. Именно поэтому левый политик Лула, в большей степени идеологически связанный с Варгасом, чем его либеральные предшественники, оказался заложником той ситуации, которая сложилась до него и фактически был вынужден продолжать реализацию либеральной модели, изменив социальные акценты в своей политике.

Трансформационный потенциал Бразилии, как полагают бразильские экономисты, ослаблен по причине сырьевой зависимости страны, которая относительно безболезненно пережила колебания цен на нефть в 1970-е годы, так как была еще относительно слабо интегрирована в мировую экономику. Возможные колебания цен в будущем, как полагает Л.Ф. Пинту, могут стать не только более ощутимыми, но и болезненными³⁷. Неспособность Бразилии провести быстрые и ре-

зультативные реформы связана с дефицитом демократии, которая предполагает «равенство перед законом и равный доступ к правосудию»³⁸, но что, по словам Л.Э. Соариша, в современной Бразилии отсутствует или существование чего лишь декларируется. «Равенство сводится к абстракции, если безопасность действительно не гарантирована», – подчеркивает Л.Э. Соариш, комментируя существующие политические и социально-экономические противоречия в развитии Бразилии. Одним из вариантов решения проблемы, по мнению бразильского экономиста, может стать сознательная и последовательная децентрализация, которая станет успешной только в случае достижения компромисса между различными игроками (партии, государственный аппарат, служащие, интеллектуалы, рабочий класс, бизнес-сообщество, транснациональные корпорации), а также при активном участии гражданского общества.

Бразилию Салум Жуниор указывает на иные возможные варианты развития Бразилии. По мнению бразильского экономиста, существует несколько моделей выработки экономической политики в будущем³⁹. Первая модель определена им как «конкурентная интеграция», под которой понимаются попытки найти место Бразилии в новом постбиполярном мире, возникшем в результате распада СССР. Бразилию Салум Жуниор указывает, что выбор этой стратегии связан с многочисленными трудностями, в первую очередь – с конкуренцией с более развитыми участниками мирового рынка. Вторая модель позиционируется Б. Салумом Жуниором как «конкурентное проникновение», в основе которого лежат попытки интегрировать экономику Бразилии в глобальный контекст с опорой на привлечение внешних инвестиций. Третья модель – «распределительный этатизм» – основана на роли государства как главного распределителя благ и единственной инстанции, принимающей ключевые экономические решения.

Для значительной части представителей современного интеллектуального сообщества в Бразилии (точнее – его левого крыла) характерна умеренность как в анализе существующих социальных и экономических проблем, так и в предложениях относительно их возможного решения. Современные левые течения в бразильской экономической теории самым тесным образом связаны с классическими текстами, которые возникли в рамках бразильской экономической науки в XX веке. Это в первую очередь относится к научному наследию выдающегося бразильского экономиста и социолога Жилберту Фрейри. Фрейрианская парадигма, несмотря на все попытки ее ревизии и отказа от фрейрианских интерпретаций экономической истории и социальных отношений, по-прежнему продолжает играть значительную

роль. Объяснения и версии природы и специфики экономических процессов, предложенные Ж. Фрейри в 1930 – 1960-е годы, активно применяются современными бразильскими экономистами левой направленности несмотря на то, что идеи самого Ж. Фрейри не могут быть определены как однозначно левые. Вторым источником методологического вдохновения для современных левых бразильских экономистов является наследие Цельсу Фуртаду – не только автора бразильской версии теории зависимости, но и весьма противоречивого исследователя, идеи которого также не могут быть определены как однозначно левые.

В этом отношении левый сегмент бразильского экономического сообщества обладает значительным адаптивным потенциалом, стремясь к синтезу классических работ прошлого с современными неомарксистскими интерпретациями экономики. Бразильские экономисты продолжают активно использовать теории, заимствованные ими из европейской научной традиции и адаптированные под национальную бразильскую специфику. Именно поэтому они так охотно пишут о проблемах зависимости, зависимом развитии, модернизации, аграрном вопросе и перенаселении, продолжая играть значительную роль в развитии современной бразильской экономической науки. Фактически левые экономисты продолжают использовать то незначительное число теории, которое было предложено их предшественниками, причем – не всегда левоориентированными исследователями. Это, в частности, относится к теории развития. Фактически примененная впервые в рамках авторитарных режимов Жетулиу Варгаса и военными политиками после переворота 1964 года, являвшаяся изобретением не самых левых интеллектуалов – теория развития на современном этапе играет особую роль в методологическом арсенале бразильских экономистов, которые предпочитают позиционировать себя в качестве марксистов.

Большинство левых интеллектуалов склонны делать выбор в пользу эволюционной модели развития, что связано с негативным опытом, полученным в рамках попытки реализации в XX веке революционной модели решения социальных и экономических проблем, которая привела и к значительным потерям в рядах самих левых интеллектуалов. Кроме этого для современной бразильской экономической науки характерна значительная склонность к анализу социальной и культурной компоненты в экономике. Даже рассматривая, казалось бы, идеологически выверенные и маркированные по своей природе процессы и проблемы (например, историю рабочего класса), современные левые экономисты в Бразилии далеки от какой бы то ни было идеологизации, стремясь рассматривать экономическую историю в

максимально широкой перспективе, учитывая даже те факторы, которые никогда не попали бы в сферу интересов ортодоксального марксиста.

Являясь в большей степени теоретиками, а не практиками, ведущие левые бразильские экономисты склонны интерпретировать экономические проблемы как исторически возникшие явления, связанные одновременно с архаикой бразильского общества и почти постоянными попытками модернизации, участие в которой принимали почти все политики – от последнего бразильского императора Педру II до двух последних, формально «левых» президентов. С другой стороны, методологически современные бразильские левые интеллектуалы являются именно буржуазными экономистами. В центре внимания подавляющего большинства их исследования – вопросы именно капиталистической экономики, ее функционирования и трансформаций, а также проблемы и противоречия, вызванные к жизни именно капиталистическим способом производства.

Анализируя социальные и экономические язвы современной Бразилии, экономисты марксистской ориентации говорят на левом политическом языке, предпочитая давать исключительно негативные оценки существующей экономической системе, но их критика не идет дальше элементарного обличения социальных и экономических недугов или не выходит за пределы чрезвычайно тонкого, меткого и интересного анализа, построенного на принципах междисциплинарности, что дает возможность анализировать экономические процессы не только с сугубо экономической (практической) точки зрения (современные бразильские левые экономисты предпочитают заниматься именно теорией – сложно упомянуть хотя бы несколько их практико-ориентированных работ, посвященных, например, экономике фирмы, финансам, кредиту, маркетингу и т.п.), но и рассматривать их в социологической, культурологической и исторических перспективах.

Трудно ожидать другого от интеллектуалов, которые сформировались как исследователи именно в рамках западной модели научного знания, одним из ориентиров которой является рынок. С другой стороны, современные бразильские интеллектуалы марксистской направленности сами являются своеобразным порождением именно капиталистической экономики – они не имеют опыта существования в рамках левых авторитарных режимов, хотя сами охотно и активно позиционируют себя в качестве именно неправых, подчеркнуто марксистских, интеллектуалов. На протяжении всего XX столетия для бразильской экономической науки была характерна некая почти универсальная и порой мистическая вера в если неправильность, то в практиче-

скую эффективность или реализуемость на практике в рамках конкретных социальных и экономических реформ тех теорий и сценариев развития, которые возникли за пределами Бразилии. Эту мучительную зависимость испытали на себе не только либералы, сторонники австрийской экономической школы, но и их, казалось бы, идейные, идеологические и почти политические оппоненты – левоориентированные интеллектуалы, связанные с всевозможными течениями в марксизме – от его ортодоксальных бразильских версий до тонких и чрезвычайно интересных интерпретаций в стиле a la Gramsci.

Методологическая зависимость от различных парадигм в развитии экономической науки, предложенных вне Бразилии, конечно, в определенной степени сыграла свою позитивную роль: бразильские экономисты-теоретики никогда не испытывали интеллектуального голода и сложностей, связанных с ограничением доступа к иностранной экономической науке. С другой стороны, эта зависимость сделала бразильские экономические исследования чрезвычайно уязвимыми и в определенной степени неспособными адаптироваться к реальной ситуации, отягощенной наличием значительного числа проблем, имеющих отношение в большей степени к традиционным экономикам, чем к тем экономическим системам, существование и функционирование которых характеризуется наличием устойчивых и действенных рыночных институтов. Вероятно, именно этим фактором следует объяснять и некую наивность современных марксистских теорий экономического развития Бразилии, основанных на вере в необходимость общественного консенсуса и участия в решении существующих экономических проблем самого широкого спектра акторов – от рабочего класса до национального капитала.

¹ Werneck Vianna L. *Modernização, questão agrária e República* / L. Werneck Vianna. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1436>

² Werneck Vianna L. *Modernização, questão agrária e República* / L. Werneck Vianna. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1436>

³ Perlatto F. *Brasil, entre o passado e o futuro* / F. Perlatto. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1215>

⁴ Santos R. *Três agraristas políticos brasileiros* / R. Santos. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=867>

⁵ Moraes A.C.R. de, *Política e modernidade na geografia brasileira* / A.C.R. de Moraes. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=461>

⁶ Teixeira Werneck Vianna M.L. *Hiper-realidade ou hipotese?* / M.L. Teixeira Werneck Vianna. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=764>

⁷ Maciel F. *Desafiando a brasilidade* / F. Maciel. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=827>

⁸ Carvalho M.A. de, *Uma reflexão sobre a civilização brasileira* / M.A. de Carvalho. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=893>

⁹ Carvalho M.A. de, *Gilberto e Euclides* / M.A. de Carvalho. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=35>

¹⁰ Santos R. *Prussianismos brasileiros* / R. Santos. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=37>

¹¹ Filho M.Z. *Gilberto Freyre e a brasilidade nordestina* / M.Z. Filho. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=36>

- ¹² Ricupero B. Celso Furtado e o pensamento social brasileiro / B. Ricupero. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=33>
- ¹³ Bernardes D., Costa Lima M. Celso Furtado e a pré-revolução brasileira / D. Bernardes, M. Costa Lima. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1235>
- ¹⁴ Alves Cepêda V. O pensamento político de Celso Furtado: desenvolvimento e democracia / V. Alves Cepêda. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=31>
- ¹⁵ Coelho M.A. Caio Prado Jr. e a político / M.A. Coelho. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=801>
- ¹⁶ Moreira Leite P. PCB, 90 anos. Armênio Guedes, pizza e vinho / P. Moreira Leite. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1454>
- ¹⁷ Oliveira L. Terminar a ditadura / L. Oliveira. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1269>
- ¹⁸ Filho M.Z. Estado e classe operária: uma introdução / M.Z. Filho. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1323>
- ¹⁹ Soares L.E. A arquitetura institucional da segurança pública / L.E. Soares. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1495>
- ²⁰ Soares L.E. Entrevista sobre a violência urbana / L.E. Soares. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1430>
- ²¹ Soares L.E. A arquitetura institucional da segurança pública / L.E. Soares. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1495>
- ²² Werneck Vianna L. Modernização, questão agrária e República / L. Werneck Vianna. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1436>
- ²³ Soares L.E. A arquitetura institucional da segurança pública / L.E. Soares. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1495>
- ²⁴ Werneck Vianna L. Modernização, questão agrária e República / L. Werneck Vianna. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1436>
- ²⁵ Maciel F. O que é “Brasilização do Ocidente”? / F. Maciel. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1280>
- ²⁶ Moraes A.C.R. de, Política e modernidade na geografia brasileira / A.C.R. de Moraes. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=461>
- ²⁷ Soares L.E. Entrevista sobre a violência urbana / L.E. Soares. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1430>
- ²⁸ Bosco Fr., Reis de Meneses J. Caetano, Schwarz e o tropicalismo / Fr. Bosco, J. Reis de Meneses. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1478>
- ²⁹ Moreira Leite P. PCB, 90 anos. Armênio Guedes, pizza e vinho / P. Moreira Leite. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1454>
- ³⁰ Werneck Vianna L. Modernização, questão agrária e República / L. Werneck Vianna. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1436>
- ³¹ Soares L.E. A arquitetura institucional da segurança pública / L.E. Soares. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1495>
- ³² Soares L.E. A arquitetura institucional da segurança pública / L.E. Soares. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1495>
- ³³ Pinto L.F. Podemos deixar de ser colônia? / L.F. Pinto. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1479>
- ³⁴ Pinto L.F. Podemos deixar de ser colônia? / L.F. Pinto. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1479>
- ³⁵ Sallum Junior Br. Desenvolvimento e desenvolvimentismo / Br. Sallum Junior. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1413>
- ³⁶ Sallum Junior Br. O Brasil sob Cardoso: neoliberalismo e desenvolvimentismo / Br. Sallum Junior. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=71>
- ³⁷ Pinto L.F. Podemos deixar de ser colônia? / L.F. Pinto. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1479>
- ³⁸ Soares L.E. A arquitetura institucional da segurança pública / L.E. Soares. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1495>
- ³⁹ Sallum Junior Br. Desenvolvimento e desenvolvimentismo / Br. Sallum Junior. – <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1413>

Научное издание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

2013, № 13

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 21.V.2013 г.
Тираж 100

394000, г. Воронеж,
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02
